Школьный вестник

6+

7/2022

Школьный вестник

7/2022

Учредители журнала:

АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции

Главный редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

СОДЕРЖАНИЕ

Ника Свестен. На живую нитку **1**

Сергей Георгиев. Один мальчик, одна девочка **92**

НА ЖИВУЮ НИТКУ

ГЛАВА 1

Вечером эта девчонка снова вышла из шкафа.

По лестничной площадке плыл золотистый свет. На пыльном стекле окна проступили начерченные пальцем крестики-нолики. Нолики выиграли. В квартире номер шесть умолк молоток Дятла: в это время Дятел всегда прекращал стучать, чтобы заморить червячка.

Девчонка распахнула дверцу шкафа изнутри, крикнула в глубину: «Я ушла!», сделала шаг наружу, но зацепилась за что-то своими подтяжками: они резиново растянулись и втащили её обратно. Девчонка чертыхнулась, поёрзала, отстегнула себя от подтяжек и вышла, затворив скрипучие створки.

На ступеньках сидел долговязый человек лет пятнадцати и глядел на девчонку так обыкновенно, словно она появилась не из шкафа, а из трамвая, слегка прищемив сзади свои смешные полосатые штаны.

Девчонка сунула руки в карманы и спросила:

— И что? Разве плохая фамилия Нонсенс? Эдуард Нонсенс. А они мне говорят: «Не бывает такого!» А я им говорю: «Это моя пьеса, как хочу, так и назову!» Правда ведь?

Долговязый человек устало привалился к стене и ничего не ответил.

Впрочем, началось всё это с самого утра.

Сначала, в полумраке прихожей, он почистил щёткой свой толстоспинный шерстяной пиджак и рассовал по

карманам всё необходимое: тёмные очки, квитанции за газ и свет, кошелёк с одним отделением и стеклянный пузырёк с таблетками. Потом, крепко держась за перила, спустился по лестнице, бережно прижимая к себе шахматную доску в холщовой сумке.

Старые костяные фигурки со стуком перекатывались в деревянном чемоданчике, поторапливали. Он снова вспомнил, что у белого коня отломано ухо, а у чёрного ферзя глубокая царапина на спине, и отругал себя за невнимание к своим верным солдатам.

В сонной дымке летнего утра он зашагал по мокрому после поливальной машины тротуару.

В мелких лужицах дрейфовали эскадры тополиного пуха. Из окон невысоких домов высовывались половинчатые фигуры, зевали и трясли вязаными половиками. Среди ржавых крыш блестела мансарда из кровельного железа, и по ней на полусогнутых лапах съезжали вороны, потом поднимались вразвалочку на конёк и снова съезжали вниз.

Он выбрал теневую сторону и пошёл вдоль белокаменной галереи старинных торговых рядов.

Уличные продавцы расставляли ящики с надтреснутой от спелости вишней и бутыли с молоком, надписанные загадочно: «Кор», «Коз» и «Овеч». Старик в полосатом свитере дремал над банками с липовым мёдом. И казалось, не мёд это вовсе, а солнечный свет, собранный на лугу у самого леса. Бородатый парень раскладывал леденцы на палочках, и их малиновые бочка тоже вбирали в себя солнце и словно становились от этого ещё слаще.

Продавцы усмехались, глядя на нескладного подростка в допотопном пиджаке. А он сутулился под их взгля-

дами и тренировал силу воли: сначала дела, потом война. Оплатить скучные коммунальные, купить хлеба и с чистой совестью отправиться в сквер, где за фанерными столами сидят, склонив головы над шахматными досками, его враги.

«Ооо! Наш Наполеон пришёл!» — воскликнет Палыч и протянет слабую после инсульта руку, а потом будет стоять рядом и на каждый ход Наполеона приговаривать: «Стратег, большой стратег!»

Входя в здание почты, Наполеон вдруг почувствовал землистый, лесной запах дождя. Он с усилием, будто по колено в густом клейстере, сделал шаг.

Людей вокруг было мало, и все они стояли к нему затылками, а лица приёмщиц почему-то были похожи на сургучные печати.

Левая рука онемела, Наполеон запрокинул голову и упал навзничь прямо на стальную решётку, что всегда охотится на каблучки женских туфель.

Зашумела приливная волна голосов, кто-то подбежал и начал теребить его, словно выброшенного на берег тюленёнка.

...Врач «Скорой помощи», усталая сухопарая женщина, измерила Наполеону давление, пробежала взглядом по метке, пришитой на внутреннем кармане его пиджака, и зачем-то переспросила:

— Эпилептик?

Наполеон не ответил.

Сочувствующие и зеваки заволновались: «Эпилепсия у пацана», «Ох ты ж божечки, молоденький какой!», «У моего дядьки двоюродного тоже такое было. Или нет, белая горячка у него была, ага», «А разве у них не дол-

жна пена изо рта?», «Это же вам не бешенство!», «А что? Я в фильме видел...», «Где его родители? Как можно такого ребёнка одного отпускать?»

Когда «Скорая» подъехала к Ваниному дому, врач обратилась к водителю:

— Костик, проводи мальчика до квартиры.

Ваня посмотрел на Костика, молодого плечистого парня, и тихо сказал:

— Не надо, я сам.

— Стесняется, — объяснил водитель врачу и завёл мотор.

Возле подъезда разгружали фургончик с вещами новых жильцов. Пока Ваня поднимался по лестнице, его обгоняли сердитые грузчики с лимонным деревом в кадке, с расписной ширмой, с гигантским веером из перьев павлина, с мутным зеркалом в резной раме и гипсовым бюстом Сократа.

Наполеон считал про себя: «Третий этаж, тридцать третий этаж, триста тридцать третий...» Лестничные ступеньки проваливались под ногами, словно он шагал по фортепьянным клавишам.

Ваня заглянул в пролёт: а вдруг их старинный доходный дом и правда вытянулся в высоту, набрав триста лишних этажей? Внизу стояла врач «Скорой помощи» и, задрав голову, наблюдала, как Ванин рукав скользит по перилам.

На четвёртом этаже в четырнадцатой квартире были распахнуты высокие двухстворчатые двери. У порога топтался грузчик со статуэткой крылатой Ники в руках и подзывал сиплым шёпотом:

— Ефиимыыыч... Ефимыч, подь сюда!

Невидимый Ефимыч откликнулся:

— Тебе сказали трумо ташшить!

— Ефимыч, у этой бабы голова была?

— Откудава я знаю? Трумо ташши!

— Ефимыч, так поискать, может? Хозяйка ж лютовать будет.

Из темноты коридора вынырнула тонкая рука и выхватила у грузчика статуэтку.

— Если вы найдёте её голову, вам дадут Нобелевскую премию! — отчётливо и громко произнёс красивый женский голос.

Ответственный за трюмо пожал плечами:

— Да на кой мне та премия? Лучше б выходной дали, а то набарахлитесь, а нам таскай!

В сумрачных глубинах квартиры разбилось что-то стеклянное.

Красивый женский голос продекламировал:

— «Не для того ли я сюда приехал? Да разве слух мой к шуму не привык? Да разве не слыхал я львов рычанье? Не слышал, как бушующее море бесилось, словно разъярённый вепрь?» О, варвары! Несите веник!

Наполеон поднялся на следующий этаж и на цыпочках вошёл в квартиру. Стрекотание печатной машинки в бабушкиной комнате стихло.

— Ваня, ты вернулся? — крикнула бабушка.

— Нет.

— А гастроном открыт?

— Закрыт. Всё закрыто.

В дверном проёме появился высокий тёмный силуэт.

— Иван, в чём дело? Что произошло? — Бабушка шагнула к Наполеону, мягко развернула его к себе. — Приступ? — спросила она.

Он грубо вырвался из её рук, вбежал в свою комнату и запер дверь.

Бабушка негромко, но строго постучала.

— Иван, это несерьёзно. Пожалуйста, открой!

Наполеон свернулся клубочком поперёк тахты и крикнул себе за пазуху:

— Отстаньте от меня все!

Крик получился ватным.

Знакомая головная боль выпустила свои когти и отыскивала слабое место, которое она будет терзать до вечера, не отзываясь ни на одно болеутоляющее.

Наполеон обхватил голову руками, стараясь не слушать, как внутри коробки с шахматами гневно фыркают распрягаемые кони, как пехотинцы вновь зажигают бивачные костры и, беззлобно переругиваясь, достают кисеты, как с флангов катят холодные пушки и в штабной палатке хохочут офицеры.

Бабушка постучала снова.

— Ванька, открой дверь! Не войду, обещаю.

Наполеон потянулся, отодвинул щеколду, и в комнату тут же вошла бабушка.

— Обещала ведь, — прошептал он.

— Ложь во спасение, — сухо ответила бабушка. Высокого роста, с неизменно прямой спиной, с гладко убранными волосами, одетая во всегдашнюю чёрную водолазку и мужские брюки, она походила на стрелку метронома. Движения её были чёткими и всегда по делу.

Она бесстрастно проверила у Вани пульс, щекотно ероша ему волосы, ощупала голову и приложила тяжёлую ладонь к его лбу.

Когда Ваня смотрел на её руки с сильными пальцами хирурга, с шершавой, огрубелой от едкого мыла кожей, неловко было произносить уютное слово «бабушка». А вот Елизавета Львовна — в самый раз.

— Ты принимал сегодня лекарства?

— Меня от них тошнит.

Бабушка отняла руку от Ванькиного лба.

— Точнее, пожалуйста. Просто надоело или присутствует тошнота?

Ваньке захотелось, чтобы она снова погладила его по голове.

— И то и то, — ответил он.

Бабушка укрыла Ваню пледом и подоткнула края.

— Обсудим это позже. А сейчас отдыхай.

Она вышла из комнаты, притворив дверь. И Ванька подумал о том, что его привычно рассыпающийся после приступов мир боится рассыпаться в присутствии бабушки, военного врача Елизаветы Львовны Соловейчик.

На кухне коротко свистнул чайник.

Бабушка придвинула к тахте венский стул и поставила на него кружку с медовым ромашковым чаем. Потом слегка коснулась Ваниной щеки.

— Ничего, Лучников, прорвёмся, — сказала она тем же суровым тоном.

Но Ванька уже знал, что слова эти означали у бабушки высшую степень сочувствия и ласки. А большего ему было и не нужно.

Мать обычно кричала: «Сыночек мой!», яростно прижимала его к себе, целовала лицо, голову, руки. Ванька не помнил своих приступов, но, глядя на мать, понимал, что произошло что-то страшное. Потом она закрывалась в ванной и сквозь шум льющейся воды было слышно, как она плачет, всхлипывая: «Господи, Господи...»

Год назад Наполеон впервые сидел в этой комнате уже не как гость, а как переселенец. Через общую с кухней стену были слышны голоса его матери и бабушки.

— Аля, у него нет жизни, кроме его болезни! Довольно таскать его по шарлатанам и шаммбалам! Оставь мальчишку в покое. Ему не экзорцисты твои нужны, а режим, лекарства и покой.

— Мой сын не больной! Он особенный!

Бабушка хлопнула ладонью по столу.

— Такое легкомыслие преступно! Есть клиническая картина, диагноз. Это болезнь, а не особенность. Нам крупно — слышишь ли ты меня? — крупно повезло, что диагноз поставлен так рано. Приступы можно купировать. Добиться продолжительной ремиссии.

Аля рассмеялась с издёвкой.

— О, да, конечно! С тобой у него будет жизнь.

Она курила в открытую форточку и сыпала на себя пепел.

— Ты же душишь всех, мама, душишь! Сама живёшь, как в железном корсете! Что он будет здесь видеть? Таблетки и твои команды? Это что, жизнь? У тебя вон даже в окне монастырь!

Обе женщины посмотрели в окно.

Белые стены и башни монастыря за рекой теплели, оживали от акварельного, розового света. Стрижи настригали предвечернее небо на синие и золотые лоскуты, и те медленно опускались за горизонт.

— Я устала, мама... Я так безумно устала. Всё время страх, страх. Ничего, кроме страха.

Елизавета Львовна поднялась со стула. Высокая и прямая, она склонилась над маленькой белокурой женщиной с растёкшейся под глазами тушью.

— Страх, говоришь? Уж не за себя ли саму, дорогая моя? За потерянные, как вы там говорите, годы. А Ваньке, думаешь, не страшно? Да ему вдвойне приходится бояться. И за себя, и за тебя.

— Хватит, мама! Ты не у себя в госпитале! И здесь не война!

— Ошибаешься. С болезнью нужно воевать, а не за ушком у неё почёсывать.

Елизавета Львовна положила руку на плечо дочери. Голос её смягчился.

— Как ты не поймёшь, Аля? Ваньке не особенным хочется быть, а обычным! И для этого его нужно вылечить.

Аля со злостью мазнула себя по мокрой щеке.

— А я что, интересно, делаю все эти годы?

— Не знаю, Аля, не знаю. Да только проку от этого чуть.

Аля щелчком отправила окурок в форточку и сказала:

— От твоего режима даже отец сбежал. А Ванька ещё ребёнок.

Елизавета Львовна не ответила. Она отвернулась к раковине и начала мыть чистую тарелку.

Аля знала, что у матери на шее, скрытый воротом водолазки, длится к лопатке рваный шрам от подлой, смертоносной шрапнели. В детстве, в редкие минуты, когда мать была рядом, Аля гладила пальчиком этот шрам и спрашивала:

— Тебе больно, мама?

— Нет, дочка, уже не больно.

...Ваня проснулся от странного шума. Какое-то время он лежал с закрытыми глазами. Потом медленно осмотрел комнату, будто соединяя точки пунктира. Окна были плотно зашторены, отчего пунктир сбивался и все предметы казались незнакомыми.

Откуда-то снизу слышались глухие удары о стену и крики:

— Таш-ши! Влево таш-ши! В другое лево, безбашля ты!

Потом снова что-то тяжело громыхнуло, и всё затихло.

Мучительно хотелось спать. Но сон этот был тягостным, противно сдавливал сердце, и оно расплющивалось на всю грудную клетку.

Стены всё ещё неузнанной комнаты начали понемногу сдвигаться. Ванька не видел, но знал, что навесной балкон с ажурной решёткой поднялся, словно откидной мост, и вот сейчас замурует окно и балконную дверь.

Доктор говорил, что этот страх «иррациональный».

Какое хорошее, хрусткое слово. Разгрызть бы его, как тыквенную семечку, раздробить зубами. Вместе с самим страхом. Вместе со сжимающимися стенами. Вместе с чувством, что расплющенное сердце ударит сейчас в последний раз.

— Бабушка! Бабушка! — позвал он детским, плачущим голосом.

Елизавета Львовна вошла так быстро, будто стояла за дверью.

Она чуть раздвинула шторы, и мягкий, припылённый свет упал на безрыбный аквариум с булькающим водолазом внутри, забрался под абажур торшера, прошёлся по пёстрым книжным корешкам на полке и растёкся по соломенно-жёлтому плетёному креслу.

— Как голова?

— Лучше, — ответил Ваня, хотя боль всё катила и катила свои железные составы сквозь тоннель, просверленный у него в виске.

— Ванька, хочешь, я тебя насмешу?

Он моргнул.

Бабушка убрала кружку с остывшим чаем и присела на стул.

— Это наши новые соседи шумели. Грузчики так внесли им шкаф, что тот застрял в дверях. Как влитой. Но эти остряки нашли выход: сняли у него заднюю стенку. Когда я спускалась, из квартиры через шкаф вышла девушка. Поздоровалась.

Ванька выглянул из-под пледа одним глазом.

— Какая девушка?

Бабушка усмехнулась.

— Такая же, как ты. Растрёпанная, сутулится, ноги длинные, руки длинные. На локте приличная ссадина.

— Ноги длинные это хорошо, — пробормотал Ваня.

Елизавета Львовна улыбнулась и покачала головой:

— Повеса.

...По лестничной площадке плыл золотистый свет. На широком подоконнике стрельчатого окна стояли в консервных банках кактусы-подкидыши. Паук деловито чинил паутину, натянутую между колючек.

Со двора доносились звуки музыки и гулкие шлепки мяча. На чердаке ворковали растяпы-горлицы: «Гху-хуху, гху-хуху».

Ваня не понял, о чём его спросила девчонка из шкафа. Он не ответил и устало привалился к стене.

— А вы — наши соседи! — сообщила девчонка.

Разговаривать Наполеон не хотел. Ему нравилось сидеть здесь одному, на прохладной каменной лестнице со стёртыми от времени ступенями, следить за тем, как движутся по стенам острые тени. Здесь, между тишиной квартиры и суетой улицы, коридор разных миров. И за каждой из дверей — чья-то вселенная.

Но девчонка уходить не собиралась. Она облокотилась на кованые перила и весело барабанила пальцами.

— Это вы наши соседи, — хмуро сказал Наполеон.

— А вы что, хозяева дома, что ли? — охотно подхватила девчонка.

— Нет. Хозяев дома расстреляли.

Девчонка удивлённо присвистнула:

— Да ладно! Давно?

— После революции.

— Ааа, — протянула девчонка. — Давно.

— А надо, чтоб вчера?

Девчонка смутилась.

— Да нет, почему? Вообще не надо никого расстреливать. Это я просто.

Она вытащила из кармана две маленькие бугристые лепёшки.

— Пряник хочешь? Вроде шоколадный. Мать у меня сегодня в кондитера играет... Только он жёсткий, кошмар. Но я щелкунчик, мне можно.

Она оскалилась, показывая брекеты на крупных белых зубах.

— Зубы — чистый изумруд!

Девчонка присела ступенькой ниже, вытянула ноги и вздохнула. От неё пахло мятой и чем-то простым, цветочным.

— Имя у тебя есть, сосед?

— Есть.

— Везёт... И какое?

— Иван.

— Эт хорошо, — отозвалась девчонка. — А я, допустим, Аомори.

Ваня промолчал.

— Ну спроси, что за имя-то такое?

— Что за имя-то такое? — послушно повторил Ванька.

— Ой, и не спрашивай! — Девчонка рассмеялась пряничным ртом. — Ну это, допустим, когда человек едет первый раз на море. На поезде. И в окно смотрит. И вот за горой что-то синее заблестело. А он такой: «А! О! Мори!»

Наполеон хмыкнул.

— Море на «е» оканчивается.

Девчонка сунула надкушенный пряник обратно в карман.

— Не понимаешь ты ничего! Море вообще не оканчивается. Оно бесконечное!

ГЛАВА 2

Август млел от нежного ягодного тепла. Город стал пустым и прозрачным. Стены белых домов, казалось, светились насквозь, как сухое крылышко кленового семечка.

Как всегда в такие тихие дни, Наполеон воевал в Липовом сквере.

Девчонка шла по аллее, переступая через трещины на асфальте. В руках она держала облезлую ракетку для пинг-понга и подбрасывала на ней пластиковый мячик, привязанный за шнурок к короткой рукоятке. Заметив Наполеона, она свистнула и помахала ему. Ванька смутился и коряво махнул в ответ.

Старики-шахматисты расступились, пропуская девчонку к столу.

Наполеон сражался с самым медлительным игроком Липового севера по прозвищу Метеор.

Аомори покосилась на дремлющего Метеора и продемонстрировала Ваньке свою ракетку с привязанным шариком.

— Скажи, идиотская штука? На блошке у вас купила. — Потом опять взглянула на Метеора, будто опасаясь раскрыть важный секрет. — Там ещё были хрустальные висюльки от люстры, чёрное свадебное платье и воск для усов, в такой железной баночке. Но у меня уже денег не было.

Метеор открыл глаза, передвинул свою ладью на h-4, и её тотчас съел чёрный слон Наполеона. Метеор проводил печальным взглядом павшую в бою ладью и снова задремал, размышляя над реваншем.

Девчонка полюбовалась всеядным слоном и радостно сказала: «Хе!»

— Играешь? — спросил у неё Наполеон.

— Неа. Смотрю только.

— И что видишь?

Девчонка отступила назад, как художник перед мольбертом.

— Клетки вижу, лошадь вижу...

— Коня, — поправил Ваня.

— ...короля с королевой.

— С ферзём.

Девчонка несмело потянулась к шахматным часам.

— Можно нажать?

— Ход сделай и нажимай.

Девчонка отдёрнула руку.

— А куда можно пойти?

— А куда бы ты хотела?

— Ну допустим-м-м...

Она поставила свой острый локоть на край хлипкого

столика и подперла ладонью подбородок. С листьев старой липы на лицо девчонке падали крупные солнечные веснушки. Девчонка почесала нос, словно от щекотки.

Кругленький старик в панаме деликатно подсказал:

— Вы, барышня, пешкой сначала, пешкой. — И мизинцем прочертил в воздухе траекторию пешечной атаки.

Девчонка осторожно передвинула пешку, и та уткнулась в бок белому коню. Метеор, не открывая глаз, хмыкнул. Но возражать против внеочередного хода не стал.

Девчонка растерянно посмотрела на Наполеона и спросила:

— Так правильно?

— Нормально, — сурово ответил Ванька.

Старики-шахматисты лукаво переглядывались. Гроссмейстер в панамке почтительно обратился к девчонке:

— Как вас позволите называть?

— Надин.

— Очень рад! — Старик приподнял панаму. — Иннокентий Петрович.

Все шахматисты по очереди представились и осторожно пожали узкую ладошку. Наполеон рассердился, сам не зная от чего.

— Ну, всё, — проворчал он. — Иди давай. Нам доиграть надо.

Девчонка подхватила свою ракетку и раскланялась с шахматистами.

— Я тебя на лавке подожду. Ок?

Наполеон дёрнул плечом, показывая, что ему совершенно безразлично, где его будет ждать девчонка с новым именем и старой ракеткой для пинг-понга.

Надин, севшая было на ближайшую лавочку, вдруг вскочила, подбежала к фанерному столу и с восторгом шлёпнула по кнопке шахматных часов.

— Не лупи так. Не домино, — обругал её Наполеон.

Девчонка улыбнулась и спросила:

— Мороженого взять?

Наполеон отмахнулся:

— Иди уже!

Партия не складывалась. Ванька склонился над полем битвы, но время от времени поглядывал в сторону лавочки, где его странная соседка пыталась жонглировать двумя порциями мороженого в вафельных рожках. Он потерял коня и двух слонов, в обороне образовалась позорная брешь, и Метеор бросил туда свою пехоту. Чёрный король был взят в осаду и под пиками пешек выбросил белый флаг.

Очень недовольный собой Ванька поднялся из-за стола, пожал руку Метеору и подошёл к девчонке. Она сидела, о чём-то крепко задумавшись.

Ваня сел на другом конце лавки. Девчонка заметила его и спросила:

— Кто выиграл?

— Ничья.

— А, значит, мир. Эт хорошо.

Она протянула ему рожок с подтаявшем мороженым. Оно было надкушено. Тогда она протянула другой. Но и тот был надкушен тоже.

— Ой! — рассмеялась девчонка. — Извини, перепутала. Не противно будет?

Ванька мотнул головой.

— Нормально.

Девчонка снова вытянула ноги и грызла вафельный

рожок, щурясь от солнца. Ваня тоже попробовал вытянуть ноги и принять независимый вид, но сесть так же свободно, с ленцой, у него не получилось. Он спрятал ноги под лавку и нахохлился. Чтобы не выглядеть глупо, есть мороженое он не стал и незаметно выбросил его в траву.

— Ты ж вроде была «А! О! Море!»? — спросил он девчонку и вытер липкие пальцы о штанину.

— Так это когда было! — ответила девчонка. — Сейчас я Надин.

— И что это значит?

— Ничего не значит. Просто имя.

Ванька, не поворачивая головы, скосил на девчонку глаза. Рыжий свет опушил её волосы, и было видно, как прядку на виске приподнимает забавно оттопыренная верхушка уха. Девчонка повернулась к Ваньке. Теперь, с этими пушистыми кисточками на ушах, она была похожа на белку. Белка прижала лапкой ухо и сказала человеческим голосом:

— Смеёшься, да?

Ванька сделал серьёзное лицо и немного придвинулся к девчонке. Она доела рожок и прижала рукой второе ухо.

— Всё равно пластику себе сделаю. Мать говорит, в этом мой шарм. Да, для цирка самый раз... Сделаю и хоть поживу нормально.

— С новыми ушами?

— Тебе не понять. У тебя вон уши как уши. Можешь жить как человек. — Девчонка посмотрела на Ванькино ухо, будто занесла его в свой каталог, в папку «Уши средние».

Они помолчали.

Мимо проехал мальчишка на облупленном скейтборде. Мальчишка с таким старанием отталкивался ногой, словно помогал вращению Земли.

Надин внимательно оглядела Наполеона.

— Всё время в этом пиджаке. Не жарко тебе?

— «Всё время»... Ты меня второй раз видишь, — ответил Ванька и отодвинулся.

— Да я тебя десять раз уже видела! С балкона и в магазине ещё. Ты на кассу стоять не стал, корзинку бросил и ушёл.

— А чего не подошла? — Ваня снова чуть придвинулся к девчонке.

— Повода не было, — сказала Надин.

— А сейчас есть?

— Сейчас есть. — Девчонка пощупала ткань его пиджака. — Колючий какой. Винтаж?

— Это прадеда моего, — неохотно отозвался Ванька и скрестил руки на груди, будто бы девчонка могла разглядеть сквозь толстое сукно пришитую изнутри метку.

— Ничего так, — одобрила Надин. — Ты во вторую ходишь? На Мещерской?

Наполеон кивнул.

Девчонка пригладила волосы на висках.

— А меня в третью запихнули. Рядом с цирком. Тоска. — И добавила: — Я из Москвы, вообще-то.

— Поздравляю, — ответил Ванька и, чтобы не развивать тему, нагнулся и начал перешнуровывать кроссовку.

Он не хотел говорить девчонке, что и его, как багаж, перевезли сюда из Москвы. Ведь придётся рассказывать о том, где жил, куда ходил, с кем дружил, чем занимался. А рассказывать было не о чем. Москва Напо-

леона была крошечной. Почти вся она помещалась в их тихом переулке, длилась до бульвара и врезалась в глухие стены новостроек. Ванькин город был наземным. В подземке он однажды потерял сознание и едва не упал на рельсы. После этого мать спускаться в метро ему не разрешала.

Их Москва всегда была с приставкой «слишком». Слишком людно, слишком громко, слишком ярко, слишком душно. Мать боялась, что это «слишком» могло ухватиться за что-то в Ванькиной голове и снова вызвать приступ. Хотя она никогда не спрашивала, как глубоко он спускался в своём собственном, внутреннем городе. Не спрашивала, есть ли в этом скрытом ото всех городе свет, хватает ли там чистого воздуха, зелёных деревьев, уютно ли там живётся, гуляется, думается...

Девчонка, казалось, угадала его настроение и предложила:

— Может, ещё по одному? Мелочь есть? Мне на ваксу для усов надо оставить.

Размешивая палочкой пломбир в размокших бумажных стаканчиках, они дошли до конца сквера, свернули на широкий Глинный проспект и на голубиной площади-пятачке снова уселись на лавочку.

Девчонка о чём-то болтала, заставляла Наполеона отбивать шариком по ракетке, хохотала, называла его «Великий мастер Понг», показывала на прохожих, придумывала им нелепые имена и говорила за них разными голосами.

Ванька пожимал плечами и сдержанно улыбался. Он смотрел на девчонку. На то, как она смеётся, отчего на её правой щеке появляются сразу две ямочки. На то, как

она поднимает голову вслед за взлетевшим увальнем-голубем и на её шее двигается красный шнурок, уходящий в вырез мешковатой белой футболки. На то, как она снимает со своих пальцев колечки, кладёт их в карман, потом снова достаёт и надевает.

С высокой звонницы монастыря важно прогудел колокол. К его гордому басу присоединились тонкоголосые колокольца. Их многозвучная песня рассыпалась, опустилась почти до самой земли и, как стая ласточек, взлетела в небо. Колокольный звон перекликался с чем-то неслышным, тайным, и это тайное тоже обретало голос.

Девчонка слушала, прикрыв глаза, и слегка покачивала головой.

Песня колоколов смолкла, но в воздухе ещё долго кружилась серебряная пыльца.

— Здорово! — сказала девчонка.

— У вас что в Москве, не звонят? — спросил её Ванька.

— Да там их как-то не слышно, — ответила девчонка, нанизала свои колечки и встала с лавки. — Пойдём, а? Ужасно есть хочется.

Небо было ещё светлым, но вокруг площади уже ожили жёлтые фонари, разгораясь медленно, будто просыпаясь. Подъехал человек на скрипучем велосипеде, вынул из сумки афишу концерта и налепил на забор. Лохматый дирижёр во фраке недовольно сморщился от клея.

По дороге домой Надин молчала. И только на своём четвёртом этаже, открыв дверцу злополучного шкафа, она помедлила и сказала:

— В шахматы меня научишь?

Наполеону вдруг стало жарко. Он посмотрел себе под ноги и ответил:

— Попробую.

Двери закрылись. Он услышал, как девчонка крикнула:

— Мам, ты ела? Я же тебе на плите всё оставила!

Ванька ещё немного постоял на лестничной клетке, прислушиваясь к звукам из странной четырнадцатой квартиры. Он улыбался. Ведь даже если эта девчонка никогда к нему больше не подойдёт, можно будет расхрабриться и, встретив её, бросить небрежно: «Ты вроде в шахматы хотела научиться. Передумала?»

Но ни через неделю, ни через две девчонка не появилась. Шкаф исчез, и двери квартиры номер четырнадцать стали такими же, как и все остальные на площадке. Спускаясь во двор, Ваня пару раз подносил палец к их звонку, но нажать не решался. Не хотел навязываться, да и не верилось, что девчонка о нём помнит.

...В город прокралась осень. Раньше всех по утрам теперь просыпались холодные туманы и плыли в полудрёме, скрывали дома, реку и купола храмов. Деревья тревожно шумели от северного ветра, и в городском парке остановили колесо обозрения.

Старики-шахматисты из Липового сквера сменили летние панамы на фетровые шляпы. И только Метеор не сдавался и продолжал носить сандалии и мятую соломенную трилби с узкими, чуть обвислыми полями. Ещё он замечал, что во время партии Наполеон часто отрывает взгляд от шахматной доски и всматривается в пустую аллею, будто ждёт кого-то.

Дома и в школе всё было по-прежнему. Елизавета Львовна всё так же печатала на машинке свои статьи и

переводы, заходила к Ваньке в комнату и читала вслух какой-нибудь абзац, полный таинственных медицинских терминов и холодных формулировок.

По выходным иногда приходили гости, старые друзья Елизаветы Львовны по медицинской академии. Добродушные и шумные пожилые врачи раздвигали в гостиной большой стол, что-то резали и чистили на кухне, называли друг друга «Гришка», «Лёлик» и «Светило», а Ваньку — «Иваном Дмитричем».

Бабушка в белой накрахмаленной мужской сорочке казалась непривычно весёлой и молодой. О режиме она в такие вечера Ваньке не напоминала. И он допоздна сидел в глубоком кресле, слушал разговоры гостей и весомо отвечал на их шуточные вопросы.

Около полуночи со стола убирали тарелки, ставили чайные чашки и чайник, и Светило говорил:

— Лёлик, сбацай нашу, босяцкую! Со смыком.

Грузный профессор Наумов надевал потрёпанную кепку, по-пацански надвигал её на глаза и пел под гитару с блатным надрывом:

Лизавета, Лизавета, а вся душа моя раздета,
Ни улыбки, ни привета не услышу от тебя!
Лизавета, Лизавета, я не дышу и жду ответа,
И со скоростью корвета уплывает жизнь моя!

С последним аккордом он ловко переворачивал гитару и ладонями отбивал на деке ритм, притопывая ногой в тапке. Потом срывал со своей лысой головы кепку и целовал смеющейся Ванькиной бабушке руку.

Ваня уже изучил всю их концертную программу, поэтому просил: «Алексей Николаич, а спойте вот ту...» И Лёлик

сразу становился серьёзным, настраивал гитару на другой лад и начинал петь — негромко, чеканя каждое слово.

...Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом —
Значит, в жизни ты был
Ни при чём, ни при чём!

Ванька знал строчки этой яростной и взрослой песни наизусть. И всякий раз ему казалось, что обращаются они к нему, Ивану Лучникову, ничем не примечательному человеку пятнадцати лет. И верилось, что жизнь его всё же когда-нибудь начнётся и, как в песне, он тоже будет прорубать свой путь отцовским мечом. Хотя не было у его отца никакого меча. Да и самого отца не было тоже.

...Гости разошлись, но Ванька так и не уснул. Он соорудил себе бутерброд и закрылся в своей в комнате, не зажигая лампу.

Бессонные ночи были для Ваньки роскошеством. Они, как и уйма других, таких важных для угрюмости и бунта вещей, могли вызвать приступ. Но как же это было скучно — жить тише самых тихих вод!

Как, спрашивается, тосковать по девчонке, вести с ней воображаемые диалоги, мечтать о ней и при этом, ложиться спать в десять ноль-ноль или вот жевать дурацкую булку с дурацким сыром?

Ванька отодвинул блюдце с бутербродом.

За окном кто-то невидимый растушевал мягкой кистью ночь. Чёрное становилось серым, а серое — перламутровым. Покатился первый трамвай. Вышел дворник с большими наушниками на голове и начал подметать дорожку. По движениям его метлы можно было догадаться: дворник слушает что-то лирическое.

Ванька размышлял и постукивал чайной ложкой по чугунной батарее.

Неожиданно из батареи постучали в ответ.

Ванька замер с ложкой в руке. Потом аккуратно стукнул один раз. Снизу стукнули два. Тогда он отстучал три раза. Никто не отозвался. Ванька сел на пол и прижался ухом к холодным складкам батареи. И тут же раздалось целое соло на ударных. Предрассветный драмер из четырнадцатой квартиры подавал знак.

Ванька радостно и глупо заулыбался.

Он бесшумно вышел в коридор, сунул ноги в кроссовки, выскочил на лестничную площадку и, перепрыгивая через ступеньки, сбежал вниз, на четвёртый этаж.

Девчонка уже стояла в дверях и зевала. С её фланелевой пижамы свешивал уши розовый зайчик-аппликация. Девчонка прикрыла зайца ладонью:

— Это не моё! Я эту пижаму первый раз вижу!

Ванька молчал.

— Холодина какая, — поёжилась девчонка. — Во двор выйдем?

Лирический дворник уже собрал сухие листья в кучу и теперь набивал ими мешок, словно матрац для зимней спячки.

Ванька стянул с себя свитер и молча протянул его девчонке.

— Галантный век? — спросила она. — Уважаю. — И обмотала свитером шею как шарфом.

Из тумана трусцой выбежал человек в спортивной шапочке с помпоном. Рядом неохотно ковылял коротконогий терьер с седой бородкой. Терьер думал о своей собачьей жизни и спрятанной от хозяина косточке.

Девчонка крутанула дворовую карусель для малышей, вскочила на неё и села в крошечное кресло.

— Ты же меня в шахматы обещал научить. — И тут же добавила: — А мы с матерью на гастроли ездили. В смысле, она ездила, а я с ней. Её одну отпускать вообще никуда нельзя. Всё теряет, всё забывает... Крутни, а?

Ванька добросовестно крутанул каруселька и обхватил себя руками, стараясь не дрожать от холода. Девчонка вернулась на землю, размотала свитер и бросила его Ваньке.

— Слушай, а приходи к нам чай пить. Я шикарно готовлю кипячёную воду. Коней и слонов своих тоже приводи. Придёшь?

Ванька не слушал её, он смотрел на карусель, которая почему-то вертелась всё быстрее и быстрее. Он попытался вспомнить знакомые слова песни. Но они рассыпались комком жжёной бумаги. Взметнулось только «С ножа, с ножа», и Ванька потерял сознание.

ГЛАВА 3

Ночью пришли дожди. Небо стало рыхлым, сырым. Взъерошенные вороны прятались под козырьками крыш и жаловались друг другу на ломоту в костях. Дворники в дождевиках обшивали досками статуи в скверах. На

трамвайной остановке все говорили о близких заморозках и простуде.

Чтобы не столкнуться с Надин на лестнице, Ванька уходил в школу много раньше обычного. После бестолкового Дня учителя в классах горько пахло садовыми астрами. А в школьной столовой кто-то поставил на столы гроздья калины в гранёных стаканах. Кислые сморщенные ягоды были тут же объедены второклашками, и веточки стояли тонкие и беспомощные.

Ванька каждый вечер сидел один в своей комнате, слушал музыку и рассеянно листал учебники. Снизу иногда тихо стучали по батарее. Но Ванька не отвечал.

В субботу откосный ливень сменился нудной моросью. Ванька взял шахматную доску, зонт и вышел в Липовый сквер.

За разбухшим от влаги фанерным столом сидел Палыч в прорезиненном плаще и крошил хлеб водостойким голубям.

Чёрная конница бросилась в бой по мокрому полю. Увязая в грязи, пехота потащила тяжёлые орудия к ферзевому флангу. Зябли пальцы, с зонта на доску падали капли дождя. Наполеон был рядом с цитаделью противника. Белые башни зияли провалами от точных ударов. Кавалерия отступала.

Он не заметил, как Палыч смотрит на что-то поверх его головы и улыбается. Под зонт заглянула девчонка, прищурилась на доску, прищёлкнула языком, будто поняла ход битвы.

Палыч притворно спохватился:

— У меня ж передача! Расселся я, старый осёл! Ты, Иван, ходы запомни, завтра доиграем.

Девчонка села напротив хмурого Наполеона и глубокомысленно повертела в руках белого ферзя. Потом вытащила из кармана плоскую круглую коробочку и положила её перед Ваней.

— Подарок.

Ванька прочёл на истёртой крышке: «Мовемберъ и сыновья. Прсвосходная фабра для усовъ и бакенбардъ», — и усмехнулся:

— Вот спасибо.

— Вырастишь, отрастишь усы. Пригодится.

— Я уже вырос. — Ваня попробовал открыть крышку, но она не поддавалась

— Человек вообще-то до тридцати лет растёт. — Девчонка высунула из-под зонта руку и потрогала дождь. — А уши его до самой смерти.

Ваня согрел жестяную коробочку в ладонях и посмотрел на девчонку. Она опустила глаза и соскребала ногтем налипший на столешницу лист.

Ваня понял, что вот сейчас она спросит его про обморок. И ему вдруг захотелось рассказать ей обо всём. Только бы она его слушала. Только бы слушала... Говорить и говорить, пока эта чёртова крышка не откроется. Пока он сам не заглянет внутрь, не макнёт пальцем в эту вязкую краску, чтобы понять, из чего она сделана.

Девчонка поглядела сквозь дырявый бурый листок и спросила:

— У тебя же бабушка хирург? А можно у неё спросить кое-что? Мне надо.

Словно дождавшись, когда они войдут в подъезд, дождь припустил с новой силой. Из окна первого этажа вырвалась на волю портьера и хлопала на ветру парусом лодки в штормовом море.

В квартире пахло воском.

— Иван, не топчись там, пожалуйста! — крикнула бабушка из своей комнаты. — Полы натёрты.

Девчонка по-цапельи поджала одну ногу и замерла на коврике-островке.

— Ба, я не один! — громко ответил Ваня.

«Я не один». Он распробовал эту фразу на вкус. Он была твёрдой и прочной. Она останется на поверхности, даже когда остальной мир привычно соскользнёт в темноту.

Елизавета Львовна не спеша вышла в прихожую и взглянула так, словно девчонки в гостях у Вани были делом обычным.

— Кажется, мы встречались? — спросила она строго.

Надин, забыв снять второй ботинок, теребила застёжки своего пальто.

— Встречались, ба, — ответил за неё Ваня. — Они наши соседи. Со шкафом.

Бабушка взяла у девчонки пальто и надела его на высокое вешало.

— Так куда же подевался ваш шкаф?

Надин улыбнулась и стащила с ноги ботинок вместе с длинным полосатым носком.

— Разобрали и занесли. Я об этот антиквариат все ноги себе сбила. Мама говорит, это потому, что я ластоногая. И шкаф тут ни при чём.

Елизавета Львовна и Ваня посмотрели на ступни девчонки в одном носке.

— Это ещё не ласты, — развеселился вдруг Ваня. — Вот к нам сантехник приходил, так у него ноги реально как у хоббита. Скажи, ба?

— Скажу, — без улыбки ответила бабушка и ушла на

кухню. А они так и стояли в тёмном коридоре, разглядывая рисунок на обоях и блестящую дорожку разбитого, но старательно навощённого паркета.

Девчонка вытянула из ботинка носок и надела его пяткой вверх.

— Замёрзла? — спросил её Ваня.

— Допустим, — сказала Надин и шмыгнула носом.

— Чай будешь?

Девчонка подумала и пригладила прядки на висках.

— Можно.

Чашки с чаем и печенье в надорванном бумажном пакете они унесли в Ванькину комнату и уселись на полу, на половичок с индейским орнаментом.

Ливень за окнами нагнал водянистую серость. К оконному стеклу прижалась было вырванная ветром травинка, но её тут же смыло дождём. Пора было включить лампу, но Ваня не решался. Не хотел создавать уют и «обстановку».

Напившись чаю, девчонка обошла комнату, постучала по стенке аквариума: «А рыбки где?», «Подводник сожрал», «Ежей морских надо было заводить».

Потом взяла с полки книгу, полистала и насмешливо скривила губы:

— Комиксы, значит, читаешь?

— Это не комиксы. Это графические романы.

— А какая разница?

— Большая.

Надин вытащила другую книгу.

— Хорошо объясняешь, сразу всё понятно. Тебе в школе работать надо.

Ваня хотел выхватить из рук девчонки свой любимый, чёрно-белый комикс о дождевом человеке, но та ловко

увернулась и отскочила к окну. Взгромоздившись на широкий подоконник, она снова открыла книгу и начала читать округлым, выразительным голосом:

— «На землю обрушилась вся вода мира и превратила его крыльцо в причал. — Надин взглянула в окно и продолжала: — Дождь впился китовыми губами в стены, слизнул „маркизы” с окон и разбил черепицу.— Девчонка выдержала драматическую паузу. — Рейни распахнул ставни навстречу страшной грозе, и молния тотчас превратила его в едва заметный выдох пара».

Ваня прислонился к книжным полкам и слушал, как близкий девичий голос произносит слова истории, которую он читал тысячу раз.

Нереальным казалось темнеющее небо и ломкий силуэт на фоне дождливого окна. Здесь, в его комнате со старомодной мебелью, с булькающим водолазом, с колючим пледом поверх узкой тахты, явилось чьё-то тепло, и голос, и чистый травянистый запах. Быть может, нелюдимый Рейни теперь выживет во время грозы?

— Хорошо бы тоже испариться куда-нибудь, — задумчиво произнесла девчонка и захлопнула книгу. — Радиоспектакль окончен. Спасибо за внимание! Донаты приветствуются.

Девчонка потянулась за печеньем, но Ваня перехватил её руку.

— Рассказать тебе одну идиотскую вещь?

— Давай. Люблю идиотское. — Девчонка приняла такой вид, словно прекрасно знала, что именно скажет ей этот чудаковатый, но в общем-то симпатичный парень.

— Тоже про одну книгу.

— А-а-а.. .— разочарованно потянула девчонка.

Сбиваясь и пропуская слова, он рассказал ей о том, как однажды ночью, много лет назад, когда только начались приступы, он услышал по радио рассказ о чёрном монахе. О том, как этот самый монах, зыбкий и неотчётливый, стал приходить к нему во сне. О том, как начал расти и крепнуть страх сойти с ума, страх не выбраться из этой неизвестно чем населённой тьмы прежним.

Рассказал и о том, как недавно, на уроке литературы, когда скучающие ученики начали обсуждать этот чеховский текст, он попросил разрешения выйти и простоял в коридоре до самой перемены.

Ванька уже не мог разглядеть лица девчонки, но по её напряжённому дыханию понимал, что она внимательно его слушает.

Он замолчал, и Надин на ощупь включила лампу. Мягкий свет сделал их лица совсем детскими. Надин снова села на подоконник. В стекле отразился её стриженный перьями затылок.

— Между прочим, — сказала девчонка, — ты вообще этого рассказа не понял. Этот главный герой, он там из всех самый нормальный. Он от их бессмысленной жизни и свихнулся. Они же там его обрабатывали, типа, ты сильно не думай, вредно это, ты давай сад нам помогай окучивать... — Надин потянулась и приоткрыла окно. В комнату влетели рассечённые сеткой холодные дождевые капли. — Это был как бы побег. Дошло? Бежать некуда было, вот он и...

— По-бег, — по слогам произнёс Ваня. Потом добавил: — Бред. Разве сад — это бессмысленная жизнь? Чем плохо — жить и деревья выращивать?

— А чем это хорошо? — насмешливо спросила девчонка.

— Да всем... По-моему, он сам бессмысленный, и всё, что он делает, никому не нужно. Строит из себя гения... А монах его подзуживает.

— Ты правда можешь сойти с ума? — запросто, болтая в воздухе ногами, спросила девчонка.

Ваня аккуратно поставил на место книгу и, не оборачиваясь, ответил:

— Точно не знаю. Всё возможно. Когда я отключаюсь, мне кажется, у меня там в голове что-то перегорает. И нужно заново вкручивать лампочку. Чтобы всё окончательно не накрылось.

— Ты поэтому всё время в шахматы играешь?

Такой проницательности от девчонки в полосатых носках Ваня не ожидал. Он помедлил, нарисовал на пыльной полке печальную рожицу, а потом сказал:

— Это моё войско. Не смейся... Оно бьётся за меня. Если не буду играть, в голове вообще всё к чертям перепутается.

— Не смеюсь, — без улыбки ответила Надин. — Печеньку подай.

Ваня положил полупустую пачку с печеньем рядом с ней. Теперь он стоял так близко, что мог рассмотреть её короткие, выгоревшие на кончиках ресницы и крошечную лунку над верхней губой, оставшуюся то ли от пирсинга, то ли от кори. На шее билась жилка, и вместе с ней подрагивал красный шнурок.

«Что она на нём носит? Крестик? Подвеску с рунами? Ключ?»

Девчонка тоже разглядывала его. Отстранённо, по-музейному.

— А ты, конечно, нашёл куда переехать. — Она собрала с подоконника крошки и положила их себе в карман. — Здесь этих монахов... И, главное, все в чёрном. Ни одного в полоску или, в «гусиную лапку».

Ваня хотел сказать, что будь его воля, он бросил бы школу и уехал куда-нибудь на остров Врангеля или в пустыню Гоби. Туда, где не придётся объяснять, что с тобой, отчего это и что ты чувствуешь, валяясь в обмороке.

Но у Надин в кармане коротко крякнула утка. Она вытащила телефон и недовольно поджала губы:

— Да, мам... Да сейчас приду, не паникуй... В кладовке посмотри, в серой коробке. Сколько можно повторять? Где написано «болванки». Там все твои шляпы дурацкие лежат. Всё. Я скоро.

Надин нахмурила брови.

— Офелию ей дали, во втором составе. А она уже заранее помешалась. Я ей, главное, говорю: «Мам, чего ты паникуешь? На сцену выйдешь, только если ваша главная Офелия ногу сломает или утопится». Она мне: «В Москве я пять лет четвёртым грибом в третьем составе. А здесь сразу Гамлет!..» Ладно, пойду я. Мне с ней ещё роль повторять.

Ваня заслонил дверной проём и сказал без особой надежды:

— Ты же у моей бабушки что-то хотела спросить.

Девчонка махнула рукой:

— В следующий раз. Если, конечно, вспомнишь меня.

Ванька, как брюзга-гардеробщик, сунул ей в руки пальто и ответил:

— Попробую.

Следующие дни были для Вани диковиннее, чем все его обрывистые сны. По вечерам Надин стучала по батарее и, не дождавшись ответа, уже стояла на пороге. В тапочках и со своей собственной новенькой шахматной доской.

Поначалу её фигуры-новобранцы растерянно толклись на поле, мешали друг другу, отсиживались в окопах или попадали в окружение. Ванька снисходительно поправлял команды её генерального штаба и жертвовал своими лучшими солдатами. Но, к его удивлению, девчонка быстро разобралась в стратегии и даже придумала свою собственную.

Она не читала шахматных статей и книг, что отправлял ей Наполеон. Зато научилась обходить с флангов, лавировать меж разъярённых слонов и коней, простодушно рисковать и выводить своих пехотинцев из мясорубки беспощадного боя.

— Я пацифист! — говорила она, сидя на индейском коврике напротив Ваньки. — Я дойду к твоему королю и скажу: «За вас там люди умирают, а вы сидите! Совесть у вас есть?»

На что Ваня отвечал, незаметно уводя из-под огня её ладью:

— Король тебе скажет: «Это не люди, а пешки!»

— Ну и дурак твой король!, — говорила Надин и сердито двигала свою ладью на место.

Ванька смеялся:

— Тоже аргумент!

Иногда заходила Елизавета Львовна, присаживалась на тахту и следила за их игрой. Наполеон обычно поддавался, но для маскировки сурово требовал:

— Не подсказывай ей, ба!

— Я в ваших шашках не разумею, — отвечала Елизавета Львовна и тут же наклонялась к девчонке: — Твоего коня на эф три сейчас слон затопчет.

Войска Надин отправили парламентёра с просьбой о перемирии и перекусе.

На кухне, сомлев от горячего чая, Надин вдруг спросила у Елизаветы Львовны:

— А вы ведь в Афганистане воевали, да?

Ванина бабушка внимательно посмотрела на девчонку и ответила:

— Мы не воевали, девочка, мы лечили.

— А вы не боялись?

Елизавета Львовна поправила ворот своей чёрной водолазки.

— Боялась. Боялась, что не хватит капельниц, катетеров, медикаментов. Боялась оказаться бесполезной, когда от тебя ждут помощи.

Елизавета Львовна замолчала и сидела — прямая, строгая пожилая женщина.

Разве расскажешь этим детям обо всём? Да и нужно ли им это? Зачем им знать, как в Кабуле молодые солдатики в линялой от свирепого афганского солнца форме спрашивали, не привезла ли она конфет. Как сквозь щели раскалённых стен госпиталя ветер задувал песок. Ненавистный, обжигающий. Как тяжелораненые кричали: «Мама! Мама!» — и медсёстры отвечали им: «Я здесь, сынок...»

Разве расскажешь этой уверенной в себе девочке со скобками на зубах о том, как после двух месяцев гула вертолётов, выжигающей душу усталости, крови и смерти получила из дома посылку, а в ней сласти, смешные письма друзей, кассеты с их голосами и

любимой музыкой. И свитер, ярко-голубой, в снежинках. Уткнулась лицом в этот свитер и разревелась от досады: лучше бы зажимы хирургические прислали, шовный материал, иглы...

Или про то, как возвращалась из короткого отпуска, и отец, подполковник медицинской службы, фронтовик, вдруг взял её руки и поцеловал их. Как взрослой. Как равной.

Елизавета Львовна взглянула на тонкие, унизанные колечками пальцы девчонки и сказала только:

— Война — грязное дело, девочка. Война уродлива. Она страшна ещё и тем, что к ней привыкаешь, в неё начинаешь верить. А верить в войну нельзя. — Она смахнула со скатерти невидимые крошки. — И довольно об этом. Ты, кажется, хотела у меня проконсультироваться?

Надин снова пригладила волосы на висках и ответила:

— Да нет, ерунда, неважно.

...Каждый вечер, после школы, Ванька заставлял себя не ждать, когда послышится стук из батареи. «Наш олдскульный мессенджер», — называла её девчонка.

Не ждать. Не привыкать. Не привязываться.

Как не ждал уже, что эта равнодушная темнота больше никогда за ним не придёт. Надин наиграется: в шахматы, в него, и исчезнет. Собаки с волками не бегают вместе. Если он и побежит за этой девчонкой, то лишь на длину своей цепи. Поэтому, не ждать и ни на что не надеяться. Не хватать отравленную пешку, даже если вот она — на ладони.

И всё же вечер для Ваньки теперь обрёл новое время: с четырёх до шести у девчонки театральная студия,

с шести до восьми у неё уроки, ужин и разные дела, а с восьми уже можно подойти к тёмному окну в своей комнате и положить руки на чугунные рёбра батареи. Равзе не может человек постоять вечером у окна, подумать?

...Взошла луна, круглобокая, щербатая. Её бледный свет расслоил небо. От редких капель в лужах расходились круги. Ветер мерно покачивал фонарь над подъездом, и казалось, что лавочки плывут на чёрных волнах.

Ванька узнал светлое пальто Надин и обрадовался. Она шла по дорожке и сосредоточенно шлёпала по лужам. Чуть поодаль, видимо, опасаясь брызг, за девчонкой шагал высокий парень.

«Баскетболист, наверное», — решил Ванька и вспомнил, как в седьмом классе хотел играть в футбольной команде, но тренер сказал: «Не получится у тебя, Лучников. Голова у тебя слабая». Ванька вышел тогда из спортзала и руками сдавил себе голову, словно проверяя её на спелость. Обыкновенная, крепкая голова...

Парень оседлал лавочку и вальяжно притянул к себе девчонку. Надин уперлась ему ладонями в грудь и запрокинула голову.

«Смеётся, наверное, — подумал Ванька. — И железки эти уродские во рту... Хоть бы в подъезд зашли. Выставляются».

Парень снова попытался обнять девчонку, она вынырнула из-под его руки, но не ушла.

Ваня увидел своё отражение в стекле. Патлатые волосы, кривая горестная усмешка, левая бровь заметнее выше правой.

«Приду-у-урок! Какой же ты придурок! Урод!»

В батареях что-то мелко захлюпало, покатились камешки, потом зашумела вода.

«Отопление дали, — машинально подумал Ванька. — А зачем?»

Он бросился на тахту и закрыл уши руками.

Через час снизу по батарее весело забарабанили. Пробившись сквозь кипяток, звук был глухим. Ванька накрыл голову подушкой.

Тренькнул дверной звонок.

— Дома. Входи, — послышался голос Елизаветы Львовны.

Ванька вскочил с тахты, схватил телефон, сел в кресло и начал водить пальцем по тёмному экрану. В комнату осторожно заглянула девчонка.

— Кое-кто кое-кого сейчас разнесёт вдрызг и пополам! — азартно сказала она и потрясла шахматной коробкой, как маракасами. — Разрешаю последнее слово!

Ванька различил едва уловимый, незнакомый мшистый запах.

Девчонка уже расставляла на доске свою армию и жаловалась на то, что никак не может найти идею для этюда с невидимым предметом.

— Идея есть, — холодно сказал Ванька.

— Ой, только не шахматы! Пли-и-из! — рассмеялась девчонка и молитвенно сложила ладошки.

— Не шахматы, а шахматист, — всё так же замороженно ответил Ванька. — Припадочный один.

Надин остановилась и перестала улыбаться.

— Ты что, заболел?

Ванька шумно смёл фигуры обратно в коробку.

— Заболел. Причём довольно давно. Не в курсе?

Девчонка растерялась.

— Ты что, не хочешь играть?

— Играть? Не хочу. А ты давай, иди играй! У тебя хорошо получается.

Надин поднялась и прошла комнату по диагонали.

— Допустим, — сказала она. — Обиделся на меня. А за что, можно узнать?

Ванька снова смотрел в экран разрядившегося телефона.

— Нормально всё, — ответил он, не поднимая взгляда.

— А-а-а, — с облегчением протянула девчонка, что-то припоминая. — Это у вас бывают такие вспышки гнева. Безмотивные... Сейчас... Немотивированные, да?

— «У васссс», — со змеиным присвистом передразнил её Ванька. Его лицо стало некрасивым, злым, губы вытянулись в тонкую линию. — Инфу про эпи нагуглила?

Девчонка испуганно заморгала.

— Нет, просто... Да. Ну и что? Нельзя, что ли?

Ваньке стало противно. И от того, как она хлопает ресницами, и от резкого чужого запаха, что она принесла на своей одежде, и от её детского «нельзя, что ли?».

— Ты, по ходу, переела фильмов этих сопливых, про умирающих пацанов. Весь фильм умирают, никак умереть не могут! Думала, я тебе всяких мыслей накидаю, а ты их себе в пьеску запилишь или «Вконтактик»? И все будут рыдать и лайкать! — Ванькин голос звучал жестоко. — Вот тебе перл, дарю! «В голове моей опилки. Да. Да. Да». Запомнила? Вот и иди себе!

Надин прижалась спиной к аквариуму. Там среди камней шевелилась морская трава и булькал одинокий водолаз в наглухо задраенном шлеме.

— Я вообще-то не это хотела... Я не думала... — начала было она, но Ванька перебил её:

— Ну давай, договаривай! Не думала, что у меня совсем мозги набекрень?

На глазах у девчонки выступили слёзы, и она запрокинула голову. Совсем как там, у лавочки.

— Я с тобой как с человеком, — тихо проговорила она.

— А не надо со мной как с человеком! — крикнул Ванька. — Потому что я не человек! Я невидимый предмет! Поняла?! А теперь вали отсюда!

Девчонка забрала свою коробку с шахматами и вышла из комнаты.

Хлопнула входная дверь.

Ванька сидел в кресле, обессиленный, пустой. Пытались вспорхнуть какие-то мысли, щёки горели сухим, бесслёзным жаром.

Неслышно вошла бабушка.

— Надя ушла, — без всякого выражения сказала она.

Ванька лёг на тахту и снова накрыл голову отяжелевшей вдруг подушкой.

— Извини, но я всё слышала, — не обращая внимания на этот жест, продолжала Елизавета Львовна. — Я тебе, Иван, не воспитатель. Но я вот что скажу: стрелять в парус, может, и нужно. Когда на рифы несёт. Но иногда эти рифы — только обманка... Напрасно ты девочку обидел. В голове твоей, может, и опилки, как ты говоришь. А в сердце что?

«А что у меня в сердце?» — подумал Ванька.

Среди ночи он проснулся от дурноты и опять спросил себя, будто незнакомца: «Что у тебя в сердце?» И незнакомец ответил: «У меня там я. Только я один».

Ванька лежал с открытыми глазами и старался ды-

шать кратко, чтобы не разбудить темноту. Но с самого дна уже начинала выползать тоска. Её нельзя было выплакать, выкричать. Можно было лишь вцепиться зубами в рукав и выть сквозь сжатые челюсти.

Он зажёг светильник в изголовье, поднялся и, чтобы унять озноб, надел свитер «на вырост». Ванька давно уже подрос, а вот свитер — нет.

Снял с деревянных плечиков свой чудной пиджак и бережно, будто живое, разложил его на тахте. Сел рядом и кончиками пальцев начал прощупывать ткань над нагрудным карманом. Там, на огрубевшей шерсти, восемьдесят лет назад была пришита тряпичная шестиконечная звезда. Клеймо. Знак того, что ты не человек, что над тобой можно глумиться, преследовать тебя, истязать и мучить, а потом сжечь в лагерных печах.

Время ничего не оставило на плотной ткани. Но Ванька упрямо искал следы от толстой иглы и суровых ниток. И когда ему удавалась их почувствовать, тьма и страх начинали отступать.

...Им разрешили взять с собою только личные вещи.

Праздные прохожие наблюдали, как этих людей ведут в огороженный колючей проволокой район с разорёнными, холодными домами. В самом начале войны и те и другие верили в то, что им удастся спастись.

Спустя год смерть управляла гетто наравне с нацистами.

Отцу Ванькиного прадеда, детскому врачу, было позволено выходить в город на работу. И он уже понимал, кому за городской чертой роют неглубокие рвы, для кого на станции готовят скотные вагоны и куда эти вагоны будут отправлены.

Одна из его бывших пациенток тайком передала ему паспорт своего умершего сына-подростка, сказав лишь: «Знаю, у вас сын. Спасите его».

Истощённый Лёвка в залатанной школьной куртке совсем не был похож на улыбчивого парня с фотографии в паспорте. Тогда отец отвёл его к старому портному Моше Варшаверу.

От голода у Варшавера началась водянка, и ноги едва держали его маленькое тело. Лёвке приходилось наклоняться к этому старику в чёрной кипе, пока тот снимал мерки с его узких плеч и несуразных, длинных рук.

— Вы знаете, — весело говорил Варшавер, — фамилия моего зятя — Портной. И вы думаете, он держал в руках хотя бы одну иголку? Так вы ошибаетесь. Он не отличит петлицу от шлицы! Это совершенно бездарный молодой человек.

Он расстелил сукно и любовно огладил его ладонью.

— Я хотел сшить себе пальто, чтоб не прослыть шаромыжником, когда они будут сбрасывать нас в канаву.

Из угла, отделённого рваной занавеской, подал голос «бездарный» зять:

— Папа, не пугайте людей!

Портной согрел отёкшие руки о закопчённый колпак керосиновой лампы и ответил:

— Нет, вы это слышали? Старый Варшавер пугает людей! Чтоб вы знали, старый Варшавер пошил Лазарю Рубчику такой костюм, что тот лежал в гробу, как живой!

За занавеской тихо заплакал младенец. Молодой женский голос проговорил:

— Ш-ш-ш, Эстер, ш-ш-ш-ш.

Через неделю портной надел на Лёвку новый пиджак. Выше нагрудного кармана мертвенно желтела тряпичная шестиконечная звезда.

— Послушай меня, мальчик, — сказал портной Лёвке, — я пришил её на живую нитку. Когда ты выйдешь отсюда, оторви это и забудь, что был здесь. Потом ты всё вспомнишь. А пока забудь. Так будет легче, мальчик.

Ночью Лёвка вышел из гетто.

В городе начались аресты. Тех, кто помогал выводить из еврейского гетто детей, нацисты пытали, а потом казнили. Лёвку спрятала в своей квартире библиотекарь Аля, но соседи донесли на неё, и Лёвке пришлось уйти. Он пробрался на станцию, укрылся в товарном вагоне и, незамеченный, покинул город.

Ванька часто представлял своего прадеда, едущего в том стылом товарняке.

Вдоль путей ползли обезглавленные бомбёжками деревья. Одичавший от грохота боёв леший ткал густые туманы и забрасывал их над болотами, словно маскировочную сеть. Где-то совсем близко лаяли, давясь ненавистью, овчарки. Они гнались по отравленной оружейным дымом чаще за живыми, измученными людьми.

Лёвка зарылся в мокрую солому и плакал без слёз. Ваня присаживался рядом и говорил ему: «Не бойся, ничего не бойся. Ты выживешь и станешь врачом, у тебя будет дочь, и у неё тоже будет дочь, а потом буду я. А войны не будет».

Ванька знал, что его прадед всю жизнь не мог себя простить. Считал: не уйди он тогда, его родители оста-

лись бы живы. Да разве бы он помог им? Мальчишка в пиджаке, сшитом старым евреем Моше Варшавером.

ГЛАВА 4

Ноябрь открыл глаза, зябко, с парком, зевнул и поглядел на себя в подмёрзшую лужу. Над его полысевшей головой светило яркое сентябрьское солнце. «Докатились», — проворчал ноябрь и потеплел.

На трамвайной остановке теперь все заговорили о запоздалом бабьем лете. Но рыхлое слово «бабье» совсем не шло этим сотканным из паутинок дням.

Это было индейское лето. Оно ступало по прелой листве мягкими мокасинами, дымило лиловым и сизым, распахивало окна и тёплые пальто.

Дворник поднимался по стремянке в небо и наполнял кормушки для птиц. Отогревшиеся вороны сидели на пиках парковой ограды и смотрели на прохожих орлиным взглядом.

Каждый день Ванька проверял, вдруг «птичка» под сообщением для Нади удвоилась и стала синей. Но остроклювая галочка оставалась бледной, а сообщения непрочитанными. «Заблокировала меня», — понимал Ваня и соглашался. Он бы и сам себя заблокировал, но такой опции в его настройках не было.

В их школьном шахматном клубе объявился новый гроссмейстер, Глеб Андреевич, надменный мужчина неполных восьми лет. Глеб Андреевич оспаривал каждую комбинацию, которую показывал новичкам Ванька, и, надувшись, вычёркивал что-то в тетрадке тяжёлой министерской ручкой.

В одну ленивую пятницу, когда солнце по-весеннему брызгало в классы, Ваньку пригласила к себе школьный

психолог. В придуманном для неё учениками прозвище «Эмодзи» быстро выпала середина, и психолога все теперь называли просто Эми. Она стала расспрашивать Ваню об увлечениях, друзьях и настроении.

Он рассказал. Но лишь из снисхождения к этой чудаковатой девушке, которая на линейке первого сентября назвала директора Мрак Невидиктович и сбила с ног талисман школы — плюшевого лося с физруком внутри. Родители и Марк Венедиктович были в ужасе, а ученики — в восторге.

Такие беседы с Ваней проводили и в его московской школе. Только психолог там был иной: пугающе жизнерадостный, с самурайским пучком на макушке. Он говорил старшеклассникам «йо, пипл!», копил секунды, смело урезая слова до «норм» и «спс», и умел пробухтеть бит в сжатый кулак. Старшеклассники жалели его и вежливо смеялись над его остротами. Психолог писал постапокалиптические поэмы для детей и рассылал по издательствам. Издательства тоже его жалели, но не отвечали.

Разговаривать с психологами Ванька умел.

Меньше оптимизма — пусть не думают, что он бодрится. Немного мрачных шуток о болезни — пусть решат, что смирился. И чуть больше нервов, ведь он подросток, а не бодхисаттва.

Но Эми говорить с Ванькой о его болезни даже не пробовала. Она внимательно слушала его заготовки, не делала пометок и не поддакивала.

Вошла методист, принесла на подпись ведомость. Эми разволновалась, опрокинула на пол банку с букетом фломастеров, степлером пришила к ведомости лацкан своего жакета и оторвала ручку у заклинившего ящика.

Методист забрала испорченную ведомость, покачала головой и вышла.

С непроницаемым лицом Ванька наблюдал за психологом и понял, что ему готовят ловушку.

Она не приняла его гамбитную пешку и предлагает контржертву: Ванька «поделился» переживаниями о своём будущем, но Эми на это не купилась и выставила себя комиком. Потом она проведёт длинную рокировку: объявит себя его другом и заверит, что он может ей доверять. Затем выведет за пешечную цепь своего слона — расскажет о том, каким несчастным подростком она была. Ванька откроет путь для своего слона — на откровенность отвечают откровенностью, поставит пешку в центр и угодит в ловушку. Ферзь белых и решающее преимущество будет у Эми.

Но психолог спрятала оторванную ручку в ящик и сказала:

— Знаешь, ребята про тебя спрашивали.

— Какие ребята? — заторможенно спросил Ванька, хотя это учительское слово «ребята» он никогда бы вслух не произнёс.

— Из твоего класса и других. Ты им нравишься.

— Я? — всё так же тупо переспросил Ваня.

Эми кивнула. Она увлечённо отковыривала скрепку от своего жакета и не пыталась отзеркалить недоверчивую Ванькину улыбку.

— Спрашивали, как нужно себя с тобой вести, чтобы ты не заметил, что они как-то себя с тобой ведут.

«Врёт», — подумал Ваня. Это каким надо быть ненормальным, чтобы спрашивать, как подружиться с ненормальным?

— Думаешь, вру? — легко прочла его мысли Эми.

Она отломала от скрепки усик и махнула рукой. — Будем считать, что так задумано.

— Вы ножницами, — посоветовал ей Ваня и пожалел об этом: с такой координацией она себе рукав отхватит.

«Интересно, сколько ей лет? Двадцать три?» — подумал он.

— Двадцать пять, — сказала Эми. Ванька медленно отодвинулся от неё вместе со стулом. — Двадцать пять лет мне говорят: «Света, не трогай ножницы и вообще острые предметы!» А ведь я так люблю готовить. И что мне остаётся? Отбивные и суфле? — Психолог погрустнела. — Так о чём мы говорили?

— О суфле, — подсказал Ванька.

— А, ну да. Про тебя. Я подумала, что если тебе самому ребятам об этом рассказать? Как просветитель. Необязательно на собственном опыте. Можно и отстранённо. У нас ведь был дискуссионный клуб. Хотя он прокис давно. Но если его прокипятить, добавить острых тем...

«Бред, — подумал Ванька. — Не буду я ничего рассказывать!»

— Ты прав. Как-то это чересчур, — сказала Эми.

Чтобы сменить тему, Ваня спросил:

— А вы всех на разговор зовёте?

Психолог поднесла к уху свои наручные электронные часы и прислушалась.

— Зову только уязвимых.

— А что, есть неуязвимые? — ухмыльнулся Ванька.

— Нет, — глядя ему прямо в глаза, ответила Эми. — Ни одного.

По дороге домой Ванька пытался понять, чем он мог кому-то в школе понравиться. Уж точно не тем, что он

начал возиться с малышнёй в издыхающей шахматной секции.

Может, потому, что дрался с Шилом из параллельного? Хорошо они тогда схлестнулись, до крови. Ванькиной, конечно. Или из-за того, что называл физика Вепрь Ы? Физик обращался к ученикам на «вы», но под его презрительным «ы-ы-ы» каждый съёживался и мельчал.

Других причин Ванька найти не смог.

«Соврала всё-таки», — решил он. В душе мазнуло чем-то склизким, но быстро прошло. Подумал, что Эми, должно быть, так учили: «ободрить, обогреть, обнадёжить». Но психолог не знала его главного правила: ни на что не надеяться и ничего не ждать.

У своего подъезда он резко поднял голову и взглянул в окно четвёртого этажа. Там мелькнул и спрятался за штору длинный узкий человек с беличьими кисточками на ушах. Человек сообразил, что замечен и будто ни в чём не бывало гордо показался во окне.

Надин смотрела вдаль, делая вид, что не замечает стоящего внизу Ваньку. А тот не знал, что предпринять. Будь он весельчаком и душкой, то изобразил бы лунную походку или корявый вейвинг, заставил её улыбнуться и полез по хлипкой пожарной лестнице, чтобы девчонка испугалась за него, выглянула в окно и строго сказала: «Лучников, ты нормальный вообще? Быстро слезай!»

Но Ванька помялся, похлопал себя по карманам и вошёл в подъезд.

Елизавета Львовна с телефоном в руке ходила по квартире. Стучали расхлябанные плашки паркета. Из трубки вырывался нервный голос:

— Мама, я говорила с Ванюшей. Ребёнок грустный. В чём дело?

— Аля, что ты предлагаешь? Сводить его в цирк?

Голос в трубке взвился до высоких нот.

— Мама! У меня душа не на месте! А ты юродствуешь!

Елизавета Львовна остановилась у дверного проёма и провела пальцем по ростовым чернильным пометкам с возрастом и датой.

— Так может, и у него душа не на месте, Аля. Душа растёт. Чего ей на одном месте сидеть?

Голос в трубке охнул и стал тише.

— Мама, ребёнок страдает, а ты спокойно на это смотришь?

Бабушка остановила прошмыгнувшего мимо Ваньку, жестом попросила его поставить чайник и вышла на балкон.

— Аля, — сказала она, жадно вдыхая яблочный ноябрьский воздух, — я не анестезиолог. Обезболить я ему всё не смогу. Думаешь, если он страдать перестанет, то сразу станет радостным? Так не бывает, моя дорогая. Под общей анестезией боли не чувствуешь, но и счастья тоже.

Голос в трубке стал тише.

— Ты демагог, мама, — ответила Аля. — Просто беспомощный демагог. Сына я заберу.

— Дело твоё, — сухо сказала Елизавета Львовна. — Только ты сначала у него самого спроси. Пора бы, Аля.

На кухне Ванька чиркал спичками, сжигая каждую так, чтобы пламя коснулось кожи. Кипел чайник, ошпаривая незабудки на кафельной плитке.

Ваня снова проверил телефон. Его сообщения были не прочитаны.

«Кретинские мессенджеры, — рассердился он, — сожрали мои слова и выплюнули».

На полке буфета жалобно скалилась маленькая чугунная обезьянка, одной лапой она обнимала стеклянную солонку, а другой — перечницу. Ванька вытащил ношу из лап обезьянки, и она сразу начала отплясывать дикий африканский танец.

Ванька заварил чай, поставил соль и перец рядом с танцующей обезьянкой, взял листок бумаги и написал: «Прости. Я идиот. И это не лечится». Примотал листок к фигуре чёрного ферзя, вышел в подъезд и оставил своё сообщение в почтовом ящике номер четырнадцать.

...Утром в воскресенье у Ивана под подушкой плимкнул телефон. На треснутом экране засветилось сообщение: «5 мин. на сборы. Жду на дет.площадке». Ванька скатился с кровати.

Девчонка стояла, прислонившись к железной горке, и постукивала плетёной корзинкой по голенищам своих жёлтых резиновых сапог.

— Проснулся? — спросила она.

Иван кивнул, словно мог быть и другой вариант.

Надин показала на корзину:

— За грибами еду. Мать отказалась, говорит: «Я выше грибов!» А ты?

— Что — я? — не понял Иван.

— Ты тоже выше грибов? — серьёзно спросила девчонка.

— Нет, — ответил Иван. — Я ниже.

— Эт хорошо. — Девчонка вручила ему корзину. — Где у вас тут грибы растут ты, конечно, не в курсе?

— Нет, — еле сдерживая улыбку, проговорил Ваня.

— Так я и знала, — вздохнула девчонка и пошла по дорожке.

Ваня двинулся за ней, и земля пружинила под его ногами, будто наступи чуть сильнее — и взлетишь до самых верхушек тополей.

Они сели в дребезжащий трамвай и доехали до железнодорожного вокзала. Куранты на вокзальной башенке, увитой гипсовыми колосьями, отбили семь утренних часов.

В гулком зале ожидания на скамьях дремали рыбаки, обняв зачехлённые удочки. Грибники с корзинами и рюкзаками рассаживались редко, притворялись дачниками и ревниво поглядывали друг на друга.

Девчонка постучала в окошко привокзального буфета.

— А налейте нам, пожалуйста, вот сюда, — она потрясла термосом, — два кофе с молоком.

— Мне кофе нельзя, — буркнул Иван.

— Нам кофе нельзя. — объявила Надин буфетчице и спросила у Ваньки: — А что нам можно?

Флегматичная буфетчица в рюшах широко зевнула:

— Морс есть, облепиховый.

— Пойдёт? — снова спросила у Вани девчонка. Он кивнул.

— Тогда нам морса и слоек с брынзой! Слойки-то тебе можно, зожник?

Иван выгреб из кармана мелочь и мятые бумажки.

— Слойки можно.

В вагоне пригородной электрички было так жарко, что промозглый туман на улице казался южным маре-

вом. Надя выбрала место у окна, размотала шарф и села, вытянув ноги в жёлтых сапогах. Иван притулился рядом.

Электричка вздрогнула и, словно охотничий пёс, понеслась к лесу.

Прошёл похожий на снегиря кондуктор в красном свитере под чёрным кителем, смачно прокомпостировал билеты, угостился протянутым ему пирожком, погладил чьего-то щенка и поговорил с рыбаками о грибах.

Из-за спинки переднего сиденья показались два хвостика и два блестящих хитрых глаза.

— Ты кто? — спросила у девочки Надин.

— Я дъякомн! — картаво представились хвостики.

— Ну привет, дракон! — улыбнулась ей Надин. — А как тебя зовут?

— Меня зовут Дьякомн!

— Маша её зовут, — не оборачиваясь, сказала сидящая рядом с девочкой женщина.

Дракон пожал плечами и состроила лукавую гримаску.

— Это твой бьят? — показала она пальчиком на Ивана.

— В каком-то смысле, да. — ответила Надин и прошептала девочке: — Он тоже дракон. Только никому не говори. — И приложила палец к губам.

Девочка распахнула глаза.

— Пьявда? — И с сомнением оглядела Ваньку. — У него скойко гоёв?

— Сколько у тебя голов, брат? — Надин пихнула локтем индифферентного Ваню.

— Ни одной.

— Он безголовый дракон, — пояснила Надин.

— Безгоёвый! — с восторгом рассмеялась девочка.

Потом задумалась и показала на Ванину голову: — А это что такое?

— А это что такое? — переспросила Надин и нежно коснулась его макушки.

Ваня продолжал смотреть в окно, словно и не слушая этот разговор.

— Шляпа, — сказал он.

— Это шляпа у него.

— Шьяпа! — снова рассмеялась девочка-дракон.

— Сядь уже, не вертись! — одёрнула дочку женщина. — И не приставай к людям!

Дракон возмутился.

— Мама, я не пьистаю, я йазговаиваю!

Надин тихонько дёрнула дракона за хвостик.

— Ну что, дракон, куда летишь?

— К бабушке мы етим. Дае-э-ко-о! — тяжко вздохнула девочка. — Тьи остановки! — Она растопырила четыре пальчика.

Её мама зашуршала чем-то.

— Маша, печенье.

Девочка-дракон опять пожала плечами, мол, что тут поделаешь, печенье ведь...

Город закончился, и Надя потащила Ваню смотреть расписание остановок.

— Вот! — Она прижала пальцем раскачивающиеся буквы. — Станция Лисички! Хотя нет. Наверное, здесь и так все выходят, типа: «Ага! Лисички!»

Иван крепко держался за поручень, но от вагонной тряски его заносило, и он прижимался к плечу девчонки.

Надин, как обычно, спорила сама с собой.

— Допустим. А может, наоборот. Все думают: щас мы всех обдурим и на следующей выйдем. — Она заново

прочла список. — Мне вот эта нравится, станция Лодочная, а? Где лодки — там мокро, где мокро — там грибы. Логично?

Ивана опять качнуло к девчонке.

— Вполне.

Они вышли на безлюдную платформу.

Покрытая палой листвой тропинка вела к запустевшему парку. Высокие деревья срослись кронами и процеживали свет сквозь частый переплёт ветвей. По стволу выстукивал дятел и уворачивался от падающих сучков.

В конце главной аллеи видны были серые колонны заброшенного санатория. На заборе висел кусок вывески «Памятник архитектуры. Усадьба П. В. Оленёва, 1908 г. Охраняется го…». Ниже было нацарапано от руки: «Санаторий не работ.».

— А то бы мы не догада, — сказала девчонка.

Они по очереди заглянули за забор.

Сколотые ступени крыльца бывшей усадьбы были завалены гнилыми сучьями и обломками балясин. В каменной чаше небольшого фонтана высилась пирамида деревянных ящиков. Огромные, в два света, окна хищно щерились разбитыми стёклами

— Тоска! — огляделась Надя. — Зайдём, посмотрим?

— Не надо.

— Ну, как хочешь.

Они завернули на боковую дорожку. Налетел ветер, деревья зашумели, в глубине парка что-то хрустнуло и осыпалось. Надин нагнала Ивана и пошла рядом, приноравливаясь к его шагам.

Дорожка вывела их к небольшому озеру. В нём рябило отражение дощатого причала и домика лодочной станции. По чёрной воде плавали листья и сорочьи перья.

— Атмосферно, а?

Ваня сел на край причала и свесил ноги. Патлатый парень в воде колебался. Ваня подобрал камешек и со всей силы швырнул его в парня. Патлатый заволновался, расплылся, но спустя мгновение снова сидел на краю зыбкого осеннего неба.

Вдалеке прогудела электричка и хрипло рассмеялись санаторские вороны.

Подбежала запыхавшаяся Надя.

— Я гриб нашла!

— Один? — спросил Ваня, продолжая рассматривать отражение в воде.

— Один, ага. Так жалко его. Может, лучше оставить?

— Если жалко, тогда оставь.

Девчонка села рядом.

— Чего раскис? Давай поедим?

— Ты ешь, — ответил Ваня. — Я потом.

Но девчонка уже вскочила, пригладила волосы и объявила своим сценическим голосом:

— Дамы и господа! Ремейк лучшей роли моей лучшей матери!

Ваня повернулся к ней.

Надин отбежала, а потом степенно пошла по причалу, изображая, что несёт в руке горящую свечу и закрывает её от ветра. Поравнявшись с Ваней, она с трагической миной посмотрела в воображаемый зрительный зал и задула свечу.

— И всё? — спросил Ваня.

— Не бывает маленьких ролей, бывают маленькие актёры! — процитировала Надин и вытащила из корзины термос с морсом.

Показалось заспанное солнце. По-осеннему блёклое, оно подсветило трухлявый спасательный круг на синей стене домика, выхватило в озёрной воде плоскобокого леща. Лещ замер под солнечным лучом, дал задний ход и скрылся под затопленной корягой.

Девчонка церемонно отвела Ваню к одинокому подосиновику, забросала гриб листвой, потом съела слойки и улеглась в сухую, выцветшую траву. Ванька сел поодаль, и ему были видны только Надина взъерошенная макушка и мыски жёлтых резиновых сапог.

С молодых дубков падали вертлявые листочки-мотыльки. От земли поднималось тепло. Пахло дымом далёких дачных костров. И во всём было столько ласковой, щедрой тишины, что Иван улыбнулся и задремал.

Он проснулся от голоса над самым ухом:

— Надо её спасти!

— Кого? — разморённо спросил Ваня, не открывая глаз.

— Да лодку! Говорю же, там лодка в воде потонула. Давай на берег её вытащим?

— Смысл? — снова спросил Ваня и посмотрел на девчонку сквозь ресницы.

Надин закрывала головой солнце и со своей вскосмаченной стрижкой и голубыми заклёпками на зубах походила на заполошного лесовика. Лесовик махнул рукой и зашагал прочь, цепляясь за поросли терновника. Ваня остался сидеть, привалившись к пустой корзине. Но когда с озера послышались плеск и чертыханья, не выдержал и спустился к причалу.

Среди надломленных камышей лежала маленькая шлюпка. С её боков свисали струпья лазурной краски, болтались вырванные с мясом уключины, а в деревянном брюхе стояла вода.

Надин раскачивала лодку, пытаясь вылить через борт заболоченную воду. Ваня попробовал с другого края. Шлюпка оказалась тяжёлой, будто вросшей в тину. Он быстро выбился из сил. Но девчонка в непонятном исступлении продолжала тянуть лодку из воды.

— Зачем это? — переводя дыхание, спросил Иван. — Не вытащишь ты её.

Надин не ответила. Взгляд её был лихорадочным, на лбу выступила испарина.

— Надо только воду вычерпать! — бормотала она и с остервенением дёргала руками сгнивший лодочный борт. — Банку консервную поищи!

— Надя! — словно лунатика окликнул её Ваня. — Оставь ты её! Там у неё пробоина! Всё уже!

Девчонка оступилась, и ледяная озёрная вода хлынула за голенища её сапог. Иван грубо схватил Надин за шиворот и выволок её на берег.

— Сдурела?! — испугавшись, рявкнул он.

Надин закрыла лицо руками. Иван смотрел на неё, не двигаясь, соображая, что делать. С собственными странностями он обходиться умел, а вот с чужими — был бессилен.

Девчонка по-детски икнула и размазала по щекам слёзы. Ваня присел на корточки, стащил с неё сапоги и промокшие насквозь носки. Быстро снял с себя ветровку, вывернул её байковой изнанкой наружу, насухо вытер озябшие ступни и укутал их, как в кукуль.

Они сидели в береговой траве. Рядом сушились сапоги-желторотики.

— Жаль, морса не осталось, — сказала Надин.

— Тебе бы валерьянки, — заметил Ваня.

— Думаешь, я психопатка?

Ваня потрогал большим пальцем шип терновника.

— Ты давай носки свои суши!

Потемневшую амальгаму озера прочертила летящая в небе стая журавлей. Девчонка подняла голову и сказала невпопад:

— А я плавать не умею. И на велике не умею, и на скутере, и на сноуборде. А ты?

Ваня забрал у неё мокрые носки и закатал их в свой свитер.

— На сноуборде умею.

— Да ладно? — изумилась Надин.

— Меня отец на доску ставил. Когда ещё вся эта фигня моя не началась, — не глядя на девчонку, ответил Ваня.

Он давно уже решил: пусть тот весёлый молодой мужчина в горнолыжных очках, с пушистым инеем на усах и бороде будет его отцом. Отцом, которого унесло лавиной. Хотя какие лавины на Воробьёвых горах?

Ваня подумал, повернул голову к свету и показал девчонке белый рубец под скулой.

— На маунтинбайке навернулся.

Надин с уважением осмотрела шрам.

— Зашивали?

— Нет, сказали: «У собачки болим, а у Вани заживи!»

Он рассёк тогда скулу до самой кости. Очнулся он быстро, но не сразу смог вспомнить, на какой станции метро находится. С мозаичного плафона на него падал

парашютист из смальты с ещё не раскрывшимся куполом. Слишком яркая, будто ненастоящая, кровь стекала Ваньке за воротник. Он зажал рану рукой и, качаясь, пошёл за повалившей к выходу толпой. Люди отшатывались от него. Женщина на эскалаторе воскликнула, призывая остальных к диалогу: «Вот наша молодёжь! Напьются — и в драку!»

На улице Ваня открыл дверцу такси. Водитель закричал: «Куда ты лезешь! Не повезу! Я только чехлы сменил!» Но Иван упрямо сел в машину. Таксист зыркнул на него в зеркало заднего вида: «В больничку тебя?» «Нет, домой», — ответил Ваня и, пачкая кровью обивку, откинулся на спинку сиденья. Высадив его у подъезда, водитель высунулся из окна и крикнул: «Эй, салага! Дома-то есть кто? В больничку, может?» Ваня обернулся и зачем-то показал ему окровавленными пальцами V...

— Ничего так, брутально, — сказала Надин. — А твой папа переживает, что ты?.. — Она обвела пальцем вокруг своей головы, словно нарисовала космический скафандр.

Ваня ещё раз с силой потёр своим свитером девчонкины носки.

— Не знаю. Вряд ли. — Он и в самом деле не знал, о чём может переживать тот безымянный инструктор по сноубордингу.

Надин в задумчивости постучала по своим брекетам пальцем:

— Слушай, ты только не ори на меня, ладно?

Иван насторожился.

— Попробую. А что?

— «Вконтакте» группа есть про эпи, но там одни взрослые. А из вашего города вообще никого нет. Давай сде-

лаем группу, чтоб не старше восемнадцати? Я даже название придумала: «Эпитин». С английским «тин». Потом можно будет в реале увидеться. Встретитесь, поговорите... Что думаешь?

Ваня отдал девчонке её носки и забрал свою куртку.

— Не пойму, — сказал он спокойно, — чего ты взялась меня спасать? Я тебе что, — Ваня кивнул в сторону озера, — лодка затонувшая? Или у вас в школе факультатив такой — «Спаси котика и идиотика»?

Девчонка надела на ноги влажные носки, и вывязанные на них еноты удивлённо вытянули мордочки.

— Я так и знала, — с раздражением проговорила она. — Так и будешь в своём аквариуме сидеть, пока воздух не кончится.

Ванька смотрел, как она прыгает на одной ноге, пытаясь надеть непросохший резиновый сапог.

— Помочь?

— Себе помоги! — огрызнулась Надин и шлёпнулась в траву.

Ваня примирительно протянул ей руку, но девчонка только фыркнула.

— Раньше людей с такой болезнью вообще на костре сжигали! И сейчас не лучше. А ты сидишь и ничего не делаешь! — Она топнула ногой и без всякой логики добавила: — У тебя вон куртка мокрая, и свитер тоже.

— Да нормально, — улыбнулся Ваня. — Пока дойдём, на мне грибы вырастут. Соберёшь.

До самой станции они шли молча.

Когда подъехала электричка, лес вокруг потемнел, заморгал редкими огоньками. Вагон был пуст, и только на станции Лисички ввалились уставшие грибники, навьюченные бугристыми рюкзаками. Запахло сыростью, дымом и вечерним холодком.

В чёрных вагонных окнах отражались гирлянды лампочек, вспыхивали синие огни переездов. Надин спала, уткнувшись щекой в Ванькино плечо: верхняя губа наползла на нижнюю клювиком, а в волосах застряли высохшие травинки. Ваня осторожно вытащил одну и сжал в кулаке. Надин вздрогнула и пробормотала:

— А? Приехали?

— Нет ещё. Спи, — прошептал Иван, и по спине побежали мурашки. Он немного подождал и прижался губами к стриженой Надиной макушке. От неё всё ещё пахло солнцем.

ГЛАВА 5

На рассвете прилетел жаркий ветер-чужестранец. Он заблудился по пути из намибийских, погребённых в песках городов, и в ярости метался по незнакомому континенту.

Ветер пронёсся по Липовому скверу, ужалил дворника и сорвал с деревьев последние, заржавленные ноябрём листья. На закорках у этого странного ветра уже сидела зима. Индейское лето на прощание сигналило дымом от жаровен каштанщиков и катало на крышах сонное солнце.

Иван томился на уроках.

Вся эта монотонность школы: утеплённые окна, стёганый жилет трудовика, осыпающийся с доски мел — всё казалось ненужным. Всё отнимало время. А ведь у него было так много дел: короткой дорогой дойти до кремля, свернуть на голубиную площадь, купить, прослезившись от дыма, кулёк жареных каштанов и дождаться Надю.

Сидеть рядом, доставать горячие орехи с хрупкой, лиловой от пепла кожурой, счищать замшевую подложку, выуживать рассыпчатую мякоть и отдавать Наде. И, не отрываясь, смотреть, как она ест, роняя крошки, как оставляет сажевые отпечатки на картонном стаканчике с кофе, как вытряхивает из бумажного кулёчка крупные кристаллы соли и слизывает их, словно лосёнок.

Надя съедала каштаны, вытирала улыбающийся рот тыльной стороной ладони и говорила: «Да, месье Пуаро, эти полчаса убила я!» Потом сладко потягивалась, вытянув вверх свои тонкие руки. Коснувшись пасмурного облака, руки падали вниз и обнимали Ваню за шею. Тогда он подвигался ближе и целовал её. Неловко, неумело.

Кто-то отменил все слова и отсёк завтрашний день. Разговоры и будущее вдруг стали им ни к чему. Они чаще молчали и разглядывали лица друг друга, будто видели впервые. И всё было вновь и как будто спросонок, когда ты чувствуешь себя бессмертным.

...Между уроками биологии и химии образовалось окно, и Ваня улизнул через него домой. Он решил пойти на площадь часом раньше и подумать в одиночестве. Всю последнюю неделю думать и быть в одиночестве не получалось совсем.

Из забытой коробки с шахматами не раздавалось ни звука. Войска квартировались, ладьи конопатили щели, кони понуро жевали овёс, а слоны со шрамами на толстой коже тянули хоботом запах наступающей зимы.

Ваня сунул шахматы на верхнюю полку и надел свой пиджак с меткой. Уже не из страха, а в благодарность. Как бываешь благодарен другу за то, что был с тобой, когда ты вдруг стал счастлив.

У главных ворот монастыря высаживался десант туристов. Скученные японцы в павлопосадских платках шли гуськом за громогласным гидом. Ваня заметил, что четверо из них, снимая зеркалками надвратную церковь, выстроились, как во французской защите: пара белых пешек рядом на горизонтали, пара чёрных — на диагонали.

Наполеон пошёл вслед за группой, чтобы узнать, смогут ли они развить слона и не прошляпить гамбит. Но гид собрал отбившихся и завёл в музей кремля. Ваня побродил по монастырскому двору, прошёлся вдоль келейных корпусов, послушал звуки трапезной и присел на спиленный дубовый ствол возле закрытой часовни.

Каменная стена высокой звонницы с островками штукатурки казалась картой неизведанных земель. И плакучие ветви стоящей рядом ивы выглядели грифельной штриховкой нового архипелага.

Ваня огляделся, скучая, и заметил под кирпичными зубцами часовни истёртую фреску. От лика остался лишь охристый абрис на бледно-лазоревом фоне.

Вдруг стало совсем тихо.

Между монастырских построек пополз, стелясь по земле, прозрачный дым. Спорхнули с хлебного места воробьи-беспризорники, замолчали голоса туристов, и даже ива вдруг перестала поводить своими длинными волосами.

Ваня нервно потёр лоб, прислушиваясь к себе. Но сердце билось ровно, предметы оставались на своих местах, и запах был обычным, горький, хрусткий запах поздней осени. Он тряхнул головой и тихо сказал:

— Параноик ты, брат.

Ваня хмыкнул и увидел, как по дымной дорожке, словно паря в воздухе, к нему приближается чёрный монах.

Монах подошёл и спросил, показывая на спиленный ствол:

— Позволишь присесть?

Ваня не двигался и даже не моргал.

Монах в чёрной рясе размашисто и прочно сел рядом с Ваней и крякнул от наслаждения, будто долгие дни был в пути.

Иван ждал.

Монах похлопал ладонью по грубой дубовой коре, потом потянулся и провёл рукой по гибким ивовым веткам.

— Да-а... — произнёс он нараспев мягким баритоном. — «Осенний лес заволосател...» Да-а... «В нём тень, и сон, и тишина...» Что ж там дальше? — Он обращался к иве, будто она знала продолжение. — Кажется: «И солнце по тропам осенним, в него входя на склоне дня, кругом косится с опасеньем, не скрыта ли в нём западня». Так? — Монах посмотрел на Ваню.

Ваня суетливо, выворачивая наизнанку, снял пиджак и положил его между собой и чёрным монахом. Тот с присвистом вдохнул и шумно выдохнул.

— А погода какая нынче славная! Чудеса! — сказал он радостно и улыбнулся в свою короткую бороду.

Ивовые ветви качнулись в ответ.

Монах по-ученически положил руки на колени и сидел, прикрыв глаза. Из-под подола рясы были видны его старые, изношенные башмаки. Правым, самым прохудившимся, монах отбивал ему одному слышимый ритм.

Вид прорехи на монашеском башмаке успокоил Ваню. Он посмотрел на монаха в открытую, увидел его гладкий лоб, глубокие морщины на щеках и внезапно разозлился. Ване захотелось сказать ему что-нибудь колкое, обидеть его. За то, что он пугал его безумием, а теперь сидит как ни в чём не бывало, читает стихи и дышит ноябрьским воздухом. Хорошо, пускай не он, но кто-то очень похожий.

— Можно вас спросить? — голос прозвучал ломко.

— Конечно. — Башмак монаха остановился и повернулся к Ване.

Ваня сунул руки в карманы и, волнуясь, сжал кулаки.

— А правда, что такие, как вы, сжигали людей с эпилепсией?

Монах прикоснулся к своему простому кресту и, всё так же улыбаясь, спросил:

— Кто ж это «такие, как мы», позволь узнать.

— Те, которые в Бога верят.

Монах кивнул, серьёзно, как в беседе с детьми о Вселенной.

— Те, кто сжигал людей или книги, не в Бога верили, Ваня. А в то, что они выше Бога. И лучше его обо всём знают.

— Откуда вы... — оторопел Ванька. И, догадавшись, отругал себя: «Ты бы ещё под нос ему свою метку сунул!»

Монах взял пиджак, легонько его встряхнул и протянул Ване.

— Люди с тяжёлой болезнью, бывает, и сами себя сжигают. Ненавистью сжигают, унынием, злостью на себя, на других, на Бога. Спрашивают меня: «За что мне это, почему так?»

— И что вы им говорите?

— Ответ тут один: я не знаю. Есть такие вопросы, Ваня, которые лучше самому Богу задать. И он ответит. Телеграмму с небес, конечно, не пришлёт. Но ответ этот ты обязательно узнаешь.

— А я в Бога не верю! — задрав подбородок, сказал Ваня.

— Что ж, — снова улыбнулся монах, — воля твоя. Но Его отношения к тебе это не меняет. «Ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя». — Он поднялся и показался очень высоким. — Ну, Лучников Иван, будь здоров. И храни тебя Господь!

Монах перекрестил Ваню и, весело размахивая руками, пошёл по дорожке. У трапезной он подобрал полы своей чёрной рясы и со смаком, по-мальчишечьи, отфутболил бродячий камешек.

Ваня привстал, чтобы посмотреть, как далеко отлетел камень, а когда оглянулся, чёрный монах уже исчез. И сразу же двор запрудили туристы, им под ноги бросились воробьи, чирикая: «Дяденька, хлебцем угостите!», гид забубнил, показывая на фреску с проступившим ликом.

Ваня вышел из ворот монастыря и заторопился на площадь. Но чем ближе он к ней подходил, тем яснее становилось то, что никто его там не ждёт.

Потому что никто не стучал ему по батарее. Никто не приходил в его комнату играть в шахматы и пить чай. И вымокшие в озере носки с енотами были ничьи. Озеро было, а того смешного человека по имени Аомори — нет.

Потому, что он выдумал её сам. Чтобы не сойти с ума. Чтобы сбить со следа предвестников приступа. И всех обмануть, притворившись живым.

Голубиная площадь была пуста.

Ванька плотнее запахнул свой колючий пиджак, ссутулился и повернул к Липовому скверу.

Девчонка стояла у афишной тумбы и читала объявление о наборе в мореходное училище. Красная докерская шапка чудом держалась на её затылке.

Девчонка обернулась и распахнула руки. Иван неуклюже обнял её и уткнулся носом ей в шею. От девчонки всё так же пахло мятой и чем-то простым, озёрным.

— Лучников, ты чего? — пытаясь посмотреть ему в лицо, спросила Надя. — Плохо тебе?

Ваня молча замотал головой.

ГЛАВА 6

Мокрый снег, сыплющийся из серых ватиновых туч, студил носы и руки. Прохожие брели под зонтами, как даосские отшельники в соломенных плащах. Внутри заснеженных фонарей дрожали светлячки.

В кофейне было малолюдно. Крупные снежные плюхи врезались в витринные окна и по-улиточьи сползали вниз, желая разжалобить тех, кто сидит в тепле.

Внутри стены кофейни украшали старинные двери с номерами квартир и глазками. В одной сохранилась щель почтового ящика, в ней прорастили живую лаванду.

Бариста в чёрном фартуке постукивал чашками о блюдца, чтобы материализовать новых посетителей. На него шипела блестящая кофемашина, требуя тишины.

Иван с Надей сели в дальнем углу, рядом с разболтанным кикером.

В своей группе «Эпiteen» они сделали рассылку, но приглашение подтвердили только четверо. Ивану и эти казались толпой. Надя же переживала так, словно это был её день рождения, а гостей собиралось мало.

Она назначила себя модератором группы, набросала список тем и церемониал. Каждые пять минут сверяла свои часы с ходиками над барной стойкой и приглаживала волосы.

Чтобы занять время, они сдвинули столики и попросили ещё чаю. Надя показала на чёрно-белую фотографию в рамке. На ней девочка с деревянным слонёнком на колёсиках стоит под дверью с надписью «Вход со слонами запрещён!».

— Вот, — вздохнула Надя. — Это про всю мою жизнь!

Звякнул дверной колокольчик. В кофейню вошёл невысокий парнишка. Надя сверилась со своим списком.

— Архивариус. Зовут Миша, пятнадцать лет.

Архивариус издалека кивнул им, тщательно вытер ноги, стащил с себя мокрую куртку и застыл перед рогатой вешалкой. Повесил куртку на верхний рожок, снял, повесил на средний, отошёл на пару шагов, вернулся, забрал куртку с собой и положил её на стол кикера. Пожал руку Ване, протянул было Наде, но передумал и снова кивнул.

— А ещё кто-нибудь придёт? — первым делом заволновался он.

— Сейчас будут, — обнадёжила его Надя. — Чай?

— У меня есть, — рассеянно ответил Архивариус, а потом спохватился: — А, чай. Чая у меня нет.

Надя посмотрела на него с восхищением.

Колокольчик прозвенел снова.

Вместе с порывом промозглого ветра влетел корена-

стый, нахмуренный подросток. Он неловко прищемил свой рюкзак дверью, но резко выдернул его и зашагал к кикеру, оставляя на полу грязные следы.

— Здорово! — буркнул он и стряхнул со своей шапки снег. По сторонам разлетелись брызги.

— Зимний, — шепнула остальным Надя. — Имя неизвестно, возраст тоже.

Зимний вытер рукавом лицо, оглянулся на баристу и грозно сообщил:

— Если они тут какао без маршмеллоу дают, тогда я пошёл.

Чуть позже в кофейню вбежала молодая женщина, протёрла пальцем один «глаз» запотевших очков, осмотрелась, помахала Наде, опять открыла дверь и крикнула на улицу:

— Все уже здесь! Идём!

Вошла тоненькая девушка. Глядя в пол, она долго складывала зонт, стягивала с маленьких рук перчатки, с шеи — кольца пушистого шарфа и поправляла свои волосы, подстриженные аккуратным каре.

Архивариус и Зимний, по-птичьи наклонив головы, разглядывали её. Надя хитро усмехнулась и провела по планшету пальцем:

— Кодама*. Звать Алисой. Рисует мульты, сочиняет стихи.

Архивариус отчего-то смутился, а Зимний выудил из своей чашки зефир и положил в рот.

— Полное собрание аутсайдеров, — жуя, сказал он.

**Кодама* — в японской мифологии дух дерева либо само дерево, в котором живёт этот дух. Запаздывание эха в горах или долине приписывают деятельности кодама.

Кодама ещё немного потопталась у входа, погладила лист фикуса, поздоровалась с печальным баристой и, прихрамывая, пошла к столикам. Женщина шла позади неё, словно страж.

— Вот, — приветливо сказала женщина, — мы пришли! Это Алиса, — она чуть подтолкнула Кодаму вперёд. — Я её сестра старшая. Посижу тут у вас в уголочке, если не прогоните.

И, не дождавшись ответа, придвинула к столику два кресла.

Надя, вспомнив о своей роли куратора, вскочила, расплескав чай.

— В общем, привет. Спасибо всем. Для начала...

Зимний перебил её:

— Что это за эпитин? Прям как новое лекарство звучит. Надеюсь, без побочки? — И рассмеялся в одиночестве.

Надя смешалась.

Зимний продолжал стендапить:

— А передоз у него бывает? Принимать после еды или вместо?

Никто ему не отвечал. Все рассматривали стены, потолок, чашки. Вдруг заговорила Кодама. Её голос шуршал, будто прибой накатывал на мелкие ракушки:

— На Котельников, возле магазина, собачка на улице лежит. Прямо под снегом, на картонке. Картонка уже вся размокла. А собачка не встаёт, заболела, наверное. И все мимо идут. Мы со Стасей в приют позвонили. А там говорят, что мест нет.

Стася с нежностью тронула Кодаму за локоть:

— Лиска, мы на обратном пути её проведаем.

Архивариус кашлянул и спросил, волнуясь:

— Вы в какой звонили? На Староспасской который? Есть ещё один, на Школьной. Номер их надо найти.

Все склонили головы над своими телефонами.

В приюте на Школьной пообещали отправить за собакой волонтёра. Недоверчивый Зимний сказал, что сходит туда сам и всё проверит.

— У меня вот собаки не было, — пробурчал он. — Крыса была. Белая.

— И пушистая? — усмехнулся Архивариус.

— Обычная.

— Крыса — друг человека! — не унимался Миша.

— Это кому как, — ответил насупленный Зимний и вдруг улыбнулся: — Она такая умная была... Мы с ней домашку вместе делали.

За окнами расправляли крылья ранние сумерки. Бариста зажёг гроздья медовых лампочек.

Дверь кофейни распахнулась вновь. Колокольчик промолчал.

Ваня первым увидел вошедшего. Высокий, сутулый парень с растрёпанными пшеничными волосами был до странности похож на него самого. А ещё на того патлатого, из отражения в озере лодочной станции.

Парень сразу подошёл к эпитиновцам и крепко пожал всем руку.

Надя прокрутила свой список снизу вверх и обратно.

— Этого у меня нет, — сказала она Ване на ухо.

— Илья, — назвался патлатый. И пояснил: — Я свою страницу закрыл. Чего вы чай-то холодный хлещете?

С видом завсегдатая он отправился к дремлющему баристе и вернулся с большим подносом. Архивариусу вручил кружку ванильного сбитня, Стасе — слоистое

латте, Зимнему и Надин — какао, а перед Кодамой поставил стеклянный чайничек: там в горячей воде из сухого бутона распускалась хризантема. Себе и Ивану парень не принёс ничего.

Все снова смущённо замолчали.

Иван с доброй насмешкой сказал Наде:

— Модератор модерировал, модерировал, да не вымодерировал.

Та пригладила волосы и поднялась из-за столика.

— Слушайте, у нас была ещё идея про Фиолетовый день. Можно сде...

— Ё-о-о-лки зелёные! — опять вмешался Зимний и бросил чайную ложку на блюдце. — Я думал, путное что будет, а у вас тут как везде. Поможем несчастным эпилептикам! Подарим каждому флажок! — Зимний глядел ожесточённо. — Вы такие прилизанные все, аж противно. А я лично задолбался всё время извиняться, что я такой! Типа, сорри, я тут две минуты на полу полежу, подрыгаюсь.

Надя села и беспомощно взглянула на Ваню. Он повернулся к Зимнему, ещё не зная, что ответит ему, но заговорил Архивариус:

— Зачем за это извиняться? Эпи, вообще-то, почти у каждого сотого. Просто не все знают свой диагноз.

Стася сняла очки и по-простому, не осторожничая, спросила у Зимнего:

— Тонико-клонические у тебя?

Зимний хмуро кивнул.

— Вот и у Лиски тоже. Приходится сопровождать дитёнка.

— Стася... — Кодама прикусила губу и наступила сестре на ногу.

— Лиска, — невозмутимо продолжала Стася, — ты же такой классный стих вчера написала. Прочитай, а?

Алиса вжалась в кресло.

— Ну Стася...

Всем стало неловко. И за безмолвную Кодаму, и за её Стасю-опекуншу.

Зимний рывком встал, отпихнув уютное кресло ногой.

— Значит, посидели, потрепались? — сказал он и начал надевать куртку, не попадая в рукава. — Всё. Бывайте!

Он нахлобучил шапку и пошёл к выходу. Позади болтался пустой рукав.

— Зимний! — окликнула его Комдама. — Подожди!

Зимний приостановился и взглянул на неё из-за плеча.

— Я прочитаю, хочешь?

Зимний вернулся по своим же следам и, не снимая шапки, плюхнулся на прежнее место.

Кодама обхватила ладошками стеклянный чайник с плавучей хризантемой и начала читать своим шелестящим голосом:

Двести двадцать вольт по моим нейронам,
От кончиков пальцев до сердцевины,
В рулетку русскую без патронов
Играют две мои половины.
Щелчок, осечка... на окнах
Сеточка рваная снега,
Чиркают спички
Ногтей по покрывалу в клеточку,
И пахнет в комнате пойманной дичью.
И капает кран, оперой Вагнера
В ушах отдаётся. Качается люстра

Ты не звонишь мне,
А мне ох как надо бы!
Услышать голос твой, чтобы проснуться.
Где-то в углу баллон с кислородом
Спрятан. Дышу через силу
Жабрами.
Не подбирай к моей двери коды,
Возьми тротил и останься
Однажды
Со мной.

Иван украдкой посмотрел на Надю. Она сидела, сжавшись, сцепив пальцы рук в замок.

Кодама обвела всех взглядом и беззвучно рассмеялась.

— Эй, не увядайте! Это просто поэтическое преувеличение.

Все знали, что ни какое это не преувеличение, но заулыбались в ответ.

— А вот ещё смешное. — Кодама взвесила на ладони кусочек леденцового сахара. — К нам раньше приходил почтальон, моему дедушке пенсию приносил. Так я его всегда просила: посидите ещё немножко, расскажите что-нибудь. Ему рассказать особо не о чем было, так он рассказывал про письма, про сортировку, про посылки... Теперь могу идти на квиз про почту!

Зимний стащил с головы шапку и сказал:

— У меня таких хохм — вагон! Я раз на рынке рухнул, так один урод меня на видео снимал. Мне тётка моя сказала.

Архивариус неожиданно ругнулся и ответил:

— Такие раньше всегда ходили на казни смотреть.

— Угум... — пробурчал Зимний, — в 4D формате. Читают расписание: «О! Четвертование. Круто! Мне билет в первый ряд!»

— А у кого-нибудь бывают ауры? — прошелестела Кодама.

Все посмотрели друг на друга.

— Чего это за ауры? — с опаской спросил Зимний.

— У меня бывают, — сказал до сих пор молчавший Иван.

Кодама слабо улыбнулась.

— Запах, вроде лесной земли. — Ваня подумал. — Ещё тоска жуткая.

— Ой, и у меня тоска, — обрадовалась Кодама. — И тихий-тихий звук, как от «музыки ветра». Только не металлической, а из бамбука. Знаешь такое?

— Да что за ауры-то?! — вспылил Зимний.

— Предчувствие перед приступом. Бывает даже за пару дней, а бывает сразу. У каждого по-разному, — объяснил Архивариус.

— А, понял, — успокоился Зимний. — Не, у меня такого не было. Я и без аур на стенку лезу. Ауру бы эту лучше тем, кто нас откачивать пытается. И в рот всякую фигню пихает. Зубов не напасёшься! По башке бы дать: «Судороги у человека! Ничего твёрдого в зубы ему не суй, чучело! На бок переверни, под голову что-нибудь положи и «Скорую» вызывай».

Архивариус засмеялся:

— Для буклета сойдёт.

— Угум... «Эпи и как с ними бороться».

Кодама поёжилась и обмотала себя своим пушистым шарфом.

— Никому эти буклеты не нужны. — сказала она. — В тренде же не мы.

— А кто? — прошептала Надя и стушевалась.

— Аутисты, — ответил Архивариус. — Синдром Аспергера всякий.

— Ребят, какое-то это плохое соревнование, — строго сказала Стася. — Никому не сладко... У нас на работе парень был, у него раз приступ случился, другой... Потом его уволили по-тихому.

Кодама вспыхнула.

— И вы все, конечно, промолчали?

— Лиска, ну что нам, голодовку, что ли, объявлять?

— Я бы объявила! — запальчиво воскликнула Алиса.

— Ты и так ничего не ешь. В чём только душа держится! — Стася хотела взъерошить Кодаме волосы, но та уклонилась от её руки.

Снегопад снаружи висел ветхим занавесом. Дальний свет фар пробивал в нём бреши, и они тут же зарастали.

— Я про работу не думаю, — ровным голосом сказал Зимний. — Всё равно до тридцатника не дотяну. Или от припадка сдохну, или с ума сойду, или в окно выйду.

Смеясь и стряхивая снег, в кофейню ввалились несколько парней и девушек. Они шумно рассаживались, читали вслух меню, хохотали и не в такт подпевали безутешному блюзмену из динамиков.

— Тогда и я расскажу, — сказал вдруг озёрный патлатый Илья. Всё это время он сидел так незаметно, что все о нём уже забыли. — В прошлом году я на Байкале волонтёрил. От мусора откапывались, тропы укрепляли. Я им про себя ни слова. Боялся, выпрут. А у меня там ни одного приступа не было! Уставал зверски, по-

годка тоже не Мальдивы, и недосыпы постоянные, и стресс. Короче, всё, что доктор не прописал. Но что-то там есть такое...

— Необъяснимое? — подсказала Кодама.

— Ну да... Там правда здорово... Поехали туда летом все вместе?

Все заговорили разом. Перебивая друг друга, они начали обсуждать, на чём и как они отправятся, где будут жить, как возьмут байдарки, палатки и спальники, как проживут три месяца под соснами, у самой воды, чтобы по утрам на них смотрели любопытные нерпы, а воздух хранил запах ночного костра.

Это будет именно то место, где тьма и страх их не найдут.

И каждый знал, что никто никуда не поедет. Но они продолжали говорить и говорить об этом.

Старые двери на стенах кофейни приоткрылись, и оттуда вдруг вылилось озеро неправдоподобной синевы. Небесные прачки окунали в озеро белые облака и выжимали из них над соснами дождь. И не было в том озере ни берегов, ни дна. Некуда было опускаться и тонуть, нечем захлёбываться. Озеро было небом. В него можно было только взлететь.

Поджав ноги, они дрейфовали в своих креслах. Течение уносило их к самой середине озера. И на лице каждого из них играли блики солнца, скользящего по этой самой синей и самой чистой воде.

Зимний обернулся на тех, кто остался на берегу.

— Вот мы идиоты!

Архивариус Миша пришвартовался к нему и достал из своих файлов:

— Про это ещё Фёдор Михалыч написал.

— Да не-э-э. — Зимний вышел на сушу. — Как насчёт тех, которые всё время дома торчат? Которые вообще на таблетки не реагируют. Прикиньте, как это вообще?

Илья с Иваном переглянулись. Кодама поникла.

— И что делать? — спросила она словно у самой себя.

— Можно их навестить, — предложила Стася.

— Угум… — презрительно скривился Зимний. — Нужна им ваша жалость!

Надя выпрямилась и проговорила:

— Допустим. Но что такого плохого, если один человек жалеет другого?

Все посмотрели на неё, будто только что заметили.

Архивариус снова дал пояснения:

— Слово «жалость» от слова «жалить» произошло. Выходит, чья-то беда не мимо пролетает, а жалит тебя.

Зимний хлопнул ладонями по подлокотникам кресла:

— Лады, филологи! В следующий раз тогда всё и порешаем. Может, по домам двинем? Я девчонке одной из класса тетрадку обещал занести.

Все рассмеялись и заулюлюкали. Зимний покраснел и добродушно отмахнулся: «Да идите вы!»

Когда они высыпали на улицу, снегопад уже унялся. Мир был снежен и чист. На занесённой белым дороге не осталось ни одного следа.

Иван с Надей не спеша шли домой. Ваня держал девчонку за руку и согревал своим дыханием её озябшие пальцы. Деревья в Липовом сквере крепко спали под пухлыми одеялами снега. И кто-то невидимый вышивал в ночном небо созвездия.

ГЛАВА 7

Предновогоднее собрание родителей старшеклассников началось традиционно. У дверей актового зала поставили пару верзил из одиннадцатого «А». Хотя никто из родителей сбежать пока не пытался.

Завуч, Оксана Сергеевна Антипова по прозвищу Оса, распорядилась поставить стол для учителей не на сцене, а внизу, вдоль первого ряда. Завучу нравилось быть демократичной. Десятиклассники сначала звали её Антипатией, но в младших классах это слово никак не могли запомнить. Поэтому завуч стала просто Осой.

Директор школы долго говорил об успехах, потом о неудачах, которые станут успехами. Его бесцветный голос плыл над головами родителей. Многие дремали.

Секретарь рисовала в уголке каждого листка своего блокнота по слонёнку. Если быстро пролистнуть страницы, то слонёнок поднимал хобот и поливал себя водой. Завуч заглянула к секретарю в блокнот, будто хотела у неё списать.

— Тома, посерьёзнее, пожалуйста! — строго попросила она.

Тома закрыла блокнот и уныло оглядела актовый зал.

Директор отвлёкся на муху, бьющуюся в поисках выхода, и запнулся.

С места поднялась женщина в наброшенной на плечи дорогой шубке.

— У меня вопрос! — напористо сказала женщина. — Долго ещё этот Ваня Лучников будет пугать наших детей? Надо что-то с этим делать.

Директор растерялся, просмотрел свои тезисы, но ничего там не нашёл.

— Но позвольте, — мягко сказал он. — Успеваемость у Лучникова приличная. Поведение неплохое. И в нашем шахматном клубе он занимается.

— Пусть занимается, я ж разве против? — пошла в атаку женщина в шубке. — А если его припадки заразные? Сейчас врачи говорят, что «нет», а потом откроют, что «да».

Эми, сидящая в стороне, воскликнула на весь зал:

— То есть из-за своего мракобесия вы предлагаете изолировать Ваню от социума?

Дама в мехах разложила неизвестное ей слово на понятные «мрак» и «бес» и возмутилась:

— Вы, девушка, чёта попутали! У меня два высших образования! У нас интеллигентная семья! Стешенька у нас здоровый и занятой ребёнок. А этому Ване дома лучше будет. Правильно же? Правильно я говорю? — Ища поддержки, она привстала и оглядела актовый зал.

Родители молчали, опустив глаза.

В напряжённой тишине мучительно заскрипело деревянное кресло. С последнего ряда поднялся огромный, похожий на Зевса, старик. Он громоподобного откашлялся в кулак и обратился к женщине в шубке:

— Мадам, слушайте сюда, я сейчас скажу за эти вещи. Списать пацана на берег, значит? Чтоб, значит, сидел и не высовывался? А ты, значит, будешь ходить гордой цацей? — Старик махнул секретарю: — Значит, записывай, Андрей Максимыч против такого. Пиши, пиши! Про-тив!

Эми вскочила и выкрикнула дрожащим голосом:

— Я тоже против! Категорически! Исключить нездорового подростка из школы без всяких оснований — это дискриминация!

Оса качнулась на своём стуле и прошипела ей за спинами учителей:

— Светлана Александровна, если я не ошибаюсь, вы у нас первый год работаете? Вот и работайте пока. Сейчас не время и не место обсуждать этот вопрос. Мы всё решим коллегиально, с привлечением специалистов.

— Ну сколько уже можно сидеть? — с раздражением спросили в зале. — Будем мы про новогодний бал обсуждать или нет?

Родители встрепенулись и темпераментно зашумели.

Секретарь снова пролистнула большим пальцем нижний угол блокнота: слонёнок поднял хобот и окатил себя водой.

...Бумагу с неразборчивыми подписями о переводе на домашнее обучение Иван разорвал на четвертушки и выбросил в урну.

Он продолжал выходить из дома ровно в семь тридцать утра, садился в трамвай и ехал по кольцевой. Снег стаял и превратился в сажевую жижу. Небо, похожее на кровоподтёк, сыпало колкой снежной крупкой. Город сгорбился и посерел.

Проехав два раза по кругу, Иван выходил у вокзала и сидел в жарко натопленном зале прибытия, наблюдая за приехавшими. Немного растерявшиеся, они волочили свои чемоданы, выискивали в толпе встречающих и, вскрикнув, повисали у них на шее.

Потом он завтракал в привокзальном буфете и звонил Наде. Она уехала с матерью «на ёлки» и потребовала от него ежедневных отчётов. Но больше говорила сама, подробно и смешно рассказывая о том, что произошло за день.

Ваня отделывался фальшивыми заметками из школьной жизни. Надя называла их «обезжиренными» и просила подробностей. Подробностей у Вани не было.

Иногда он встречался с Зимним, и они шатались по старому центру, бездумно входя в магазины вместе с предпраздничной толпой. Оказалось, Зимний отлично умеет молчать за компанию. И молчанием своим заполнять пустоты, в которые то и дело проваливался Ванька.

Заканчивалась неделя странной Ваниной свободы. Нужно было решать, что делать дальше.

Зимний смылся с последнего урока, и они забежали в «Детский мир», чтобы переждать там льдистый декабрьский ливень.

В проходах между стеллажами завывали дети. Они не могли вынести того, что игрушек в мире намного больше, чем возможностей их получить. Иван с Зимним стояли возле подиума с игрушечной железной дорогой: стальные колёсики постукивали по рельсам, из трубы паровоза рвался всамделишный дым, дзинькали семафоры.

— У тебя в детстве была такая? — спросил Зимний.

— Была, — ответил Ваня, — только поменьше.

Зимний не сводил глаз с нарядных вагончиков.

— У меня вот не было… — сказал он зачарованно. — Может, приобресть себе, а? Или поздно уже?

Ванька внимательно на него посмотрел и спросил:

— Зимний, ты как вообще?

— Как... Живу.

Тем временем, сидя на уроке биологии, Стеша чувствовала, как вокруг неё копится статическое электриче-

ство. Никто в классе ей ничего не говорил. Но от караульных с родительского собрания все узнали, что Стешкина мама подло напала на Луча.

Стеша понимала: или сейчас, или никогда. Скоро каникулы, и она так и останется «этой, у которой мать...». Даже если расскажет, что со своей матерью она больше не разговаривает, это уже ничего не изменит.

Нужно было действовать. И Стеша подняла руку.

Классный руководитель кивнула ей с улыбкой. Стеша всегда считалась «беспроблемной».

— Елена Леонидовна, — начала Стеша, и в коленках противно дрогнуло, — а что с Ваней?

Классная сошла с кафедры и поправила на стене пособие «Античные представления о развитии жизни».

— Почему ты, собственно... Ваня болен. Его перевели на домашнее обучение. По теме урока есть вопросы?

Класс, словно на теннисном матче, повернул головы к Стеше: спасует или перехватит удар с лёта?

— А Светлана Александровна говорила, что он может учиться, как все. Значит, вы его специально?

Головы развернулись в сторону классной.

Елена Леонидовна мощным ударом погасила Стешину подачу:

— Аксёнова, ты что себе позволяешь?! Останешься после уроков. Итак, продолжим...

Класс разочарованно уткнулся в учебник.

Раздался негромкий, но отчётливый хлопок. Все подняли головы.

Хлопок повторился.

Музыкальная Стеша размеренно, с равными промежутками хлопала ладонью по парте. Елена Леонидовна

приоткрыла рот. Потом подошла ближе. Ей не верилось ни в то, что она слышит, ни в то, что она видит.

— Что это значит, Аксёнова? — спросила она тоном человека, говорящего с привидением.

Стеша продолжала хлопать по парте. Влюблённый в Стешу мрачный Савелий потёр ладони и хлопнул с ней в унисон. Елена Леонидовна вздрогнула. Двойняшки Кузнецовы переглянулись и сделали хлопок, потом другой. С первой парты к ним присоединился отличник Соломин.

Классная сделала последнюю попытку:

— Марш из класса! Сейчас же!

По партам захлопали все. Елена Леонидовна выскочила в коридор. Спустя пять минут в кабинет царственно вошла завуч с покосившейся высокой причёской. Класс безмолвно хлопал по партам.

— Прекратить немедленно, — не повышая голоса, жёстко приказала завуч. — Всем неуд по поведению.

Оса поперхнулась, подбирая самое страшное наказание для учеников.

— Вон из класса! Все к директору! Строем!

Ученики десятого «Б», не сговариваясь, затопали ногами. Из торса разборного человека что-то вывалилось и покатилось по полу. В дверь заглянула классная и испуганно прошептала:

— Ребята, вы что? Разве так можно? — И со всхлипом снова исчезла.

Завуч стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на подростков сухими глазами. Кривая ухмылка уравновешивала её съехавший набок шиньон.

Историк Георгий Денисович пытался опознать шум, доносящийся из соседнего кабинета, и при этом не сбить-

ся с мысли. Класс, как трава под ветром, клонился в сторону двери. Историк не выдержал:

— Кривулин, пойди, пожалуйста, узнай, в чём дело.

Довольный своей миссией, Кривулин выскользнул в коридор.

Дверь кабинета биологии обступили школьники. Кто-то из старшеклассников был в спортивной форме и обнимал сразу два баскетбольных меча, как небольшие тыквы. На подоконнике сидел охранник в униформе и болтал ногами:

— Распустились, цветы жизни!

Проныра Кривулин с хода врезался в толпу, собрал информацию, опросил свидетелей, отогнал от замочной скважины пятиклассника с фингалом под глазом и сам заглянул в неё.

Завуч решила, что отступать надо красиво.

— Хорошо, я уйду, — зловеще сказала она. — Но учтите, я вернусь с директором!

Ученики расступилась перед открывшейся рывком дверью.

Печатая шаг, завуч пошла по коридору, чувствуя, как ей в спину смотрят двадцать пар всепонимающих глаз. В толпе пробежало:

— Оса улетела, но обещала вернуться!

Кто-то приоткрыл дверь в кабинет биологии и крикнул:

— Чуваки, мозоли не натрёте? — И тут же получил подзатыльник.

Счастливый и гордый собой, Кривулин ворвался в свой класс.

— Там у бэшек забастовка! Топают! Осу затопали! Извиняюсь, Георгий Денисыч... Луча из школы попёрли, за его приступы!

Класс загудел. Историк сделал свой фирменный пасс руками, призывая всех к тишине.

— Так, прекрасно. Кто нам поведает о принципах ненасильственного сопротивления? На примере Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга.

Взметнулись руки. «Можно выйти?» «И мне можно?» «А мне?» «Ой, мне очень надо!» С задней парты пробасил начитанный Добрыня:

— Георгий Денисыч, синхронизация. Надо всех отпускать. Нам долго терпеть нельзя.

Учитель посмотрел на часы, потом на косо висящий портрет Карамзина и печально сказал:

— Сначала бы историю выучили, а потом на баррикады... До звонка четыре минуты, идите.

Десятиклассники с грохотом снялись с мест. В дверях образовался затор. Георгий Денисович крикнул им вслед:

— К понедельнику всем прочесть про Соляной поход!

Когда класс опустел, он пробормотал:

— Топают они... Я, может, в своё время тоже бы топнул. А толку-то?

Историк дёрнул за кольцо рулонной карты, и она с жужжанием свернулась.

...Понедельник начался как обычно.

За ночь мороз сковал всю слякоть и разрисовал стёкла полярными звёздами. Дворники сыпали соль на ледяные дорожки, а вороны готовили санки, чтобы кататься с крыш.

Вешалки в школьном гардеробе заросли пуховиками и потерянными варежками. Повар начала добавлять в ведёрную кастрюлю с чаем шиповник и листья брусники. А Марк Венедиктович надел под пиджак мохеровую жилетку и выглядел от этого толще и добрее.

В «живом уголке», где давно уже не было никакой живности, сидела Эми и смиренно вертела в руках свою туфлю со сломанным каблуком-шпилькой. На прошлой неделе она ломала этот каблук трижды и каждый раз просила завхоза его починить. Одинокий школьный завхоз решил, что делает она это нарочно, и стал ходить на работу в галстуке.

Эми вздохнула, попробовала оторвать каблук от другой туфли и чуть не опрокинула террариум.

— Ах, вот вы где! — сказала появившаяся из воздуха завуч. — Я вас ищу.

Психолог вздохнула снова и спрятала туфлю за спину.

— Светлана Александровна, — елейно вступила Оса, — я понимаю, вы у нас главный друг детей, но настраивать их против остального педсостава — непедагогично! Мы еле подавили их нелепый бунт!

— Подавили… — повторила Эми. — По-моему, вы их сами против себя настраиваете.

Завуч с готовностью перешла в нападение.

Психолог с уважением выслушала её длинную тираду до конца.

— Знаете, Оксана Сергеевна, — сказала она, — если честно, мне фиолетово!

— Что-о-о? — Причёска завуча качнулась вперёд. Совладав с собой, Оса язвительно прищурилась: — Между прочим, так уже никто не говорит. Лезете к ученикам в друзья, а языком их не владеете!

— И пускай не говорят. А мы будем. Будем говорить. Даже если слушать нас не хотят.

Завуч обидно рассмеялась.

— С такой дешёвой патетикой лучше вам устроиться в... — Она мысленно перебрала все подходящие учреждения, но выбрать ничего не смогла.

Эми встала, надела туфлю и, подволакивая ногу на сломанном каблуке, вышла из «живого» уголка.

Разгневанная завуч полетела по коридору, жужжа себе под нос:

— Ну надо же, ну надо же!

На дверях кабинета биологии она заметила альбомный лист. Уверенным шрифтом на нём было написано: «Мне фиолетово! Эпилептик — не изгой!»

Оса сорвала листок и с ненавистью слепила из него бумажный снежок. Забыв о педагогической походке, она понеслась по коридору, обрывая такие листки с двери каждого класса.

На примёрзшей к стеклу герани распустился нежно-фиолетовый цветок. Оса подлетела к окну, отщипнула цветок и бросила его за батарею. На лестнице она натолкнулась на первоклашку с ярко-фиолетовым рюкзачком за спиной. Завуч поймала ученика за рукав:

— Какой класс? Почему рюкзак такого цвета?!

— Мне ма-а-а-ма купи-и-и-ла… — заныл первоклашка и, на всякий случай, приготовился зареветь.

Завуч взлетела по лестнице и спряталась в учительской. Там на стремянке стоял завхоз в фиолетовых брюках и, насвистывая, вкручивал лампочку.

— Виктор Семёныч! — страдальчески выкрикнула завуч, тыча в его брючину. — И вы туда же! Как вам не совестно!

Завхоз озадаченно оглядел свои ноги. Он купил эти брюки вчера. Ведь Светлана Александровна сказала, что это её любимый цвет.

ГЛАВА 8

Январские сугробы всё ещё стояли в подпалинах от фейерверков и петард. Вороны уносили себе в гнёзда

блестящие кусочки конфетти и мандариновые корки. На ветки старого тополя кто-то привязал красные ленточки. А дворнику подарили красный шарф и варежки на плетёной тесёмке.

Ване нравились эти первые дни нового года. По утрам над рекой поднималось облако инея, опушало деревья и купола храмов. Город был притихшим, завьюженным.

Кирпичные трубы домов выдыхали густой белоснежный дым, словно бы не дома это вовсе, а полярные экспрессы, ждущие отправления. В синем ледниковом небе всходила бледная луна. И казалось, что на ней тоже поскрипывает снег от чьих-то торопливых шагов.

Ване снова звонила мама. Голосом корабельного паникёра, которого первым выбрасывают за борт, она восклицала в трубку:

— Это же средневековье, Лучик! Тёмное царство! Возвращайся домой. Здесь тебя никто из школы не выгонит. Всё будет, как раньше.

— Не будет уже как раньше, мам, — устало повторял ей Ваня.

— Ты про девочку свою? — заводилась Аля. — Сынок, ты же просто хромой щеночек для неё. Она поиграет с тобой и бросит. Она не знает, как это тяжело — быть рядом с таким человеком. У неё ведь тоже мама есть. Думаешь, она позволит ей с тобой общаться? Приезжай, сыночек. Ты никому, кроме меня, не нужен! На что ты там надеешься?

Ваня бережно положил говорящую трубку на подоконник и увидел идущую по дорожке Надю. Она подняла голову и, высмотрев его в окне, по-пингвиньи обхлопала себя замёрзшими руками. Потом стянула с головы воображаемую кепку, ликуя, подбросила её в воздух,

уронила, подняла, обтряхнула о колено, надела и шутовски поклонилась.

Ваня поднял вверх большой палец и зааплодировал, словно тюлень ластами: он тренировался три дня.

Елизовета Львовна деликатно стукнула в открытую дверь.

— Каков вердикт?

Ваня улыбнулся ей и ответил:

— Я остаюсь.

Бабушка подошла и легко сжала его плечо.

— Ну что, Лучников. Будем жить.

...Пришла весна и жаркой пяткой натоптала в снегу прогалины. От влажной торфяной земли поднимался едва заметный пар. Хотелось разуться и со сладостным чваканьем наступить в этот весенний след.

Из водосточных труб с грохотом бобслея сыпались ледышки, скользили по нагретому солнцем тротуару и превращались в ручейки. Ручейки впадали в лужи, лужи просачивались в ботинки, ботинки приходили вместе с людьми в квартиры и приносили туда запах весны.

Дворник в красном шарфе с сожалением разобрал тающего снеговика, не глядя в его угольные глаза. Ленточки на тополиных ветках оттаяли и затрепыхались на тёплом ветру.

Ваня с Надей сидели на подоконнике, играли в шахматы и щурились от солнца. Кодама прислала сообщение: «Ваня, вот тебе хокку:

Сквозь космос луч прошёл,
Чтобы древесного листа
Коснуться».

Надя подняла бровь и хмыкнула:

— Никакой ты не луч пока. Ты лучина, которая дальше носа не светит.

— Допустим, — смеясь, передразнил её Ваня.

— Тебе шах, кстати! — злорадно объявила Надя.

— Ах, шах?! — страшным голосом прокричал Иван, крепко схватил Надю за руку и потащил её в комнату к Елизавете Львовне. Надя упиралась и ехала на пятках по паркету.

— Бабушка, я тебе сильно умную одну хочу сдать! На опыты!

Надя с хохотом вырвалась и погрозила Ваньке кулаком.

От их смеха предвестники тьмы сбивались с нужной частоты, но оставались рядом. О завтрашнем дне не знал никто. Но сейчас была весна. И солнце трогало брошенные на подоконнике шахматы, колючий пиджак на спинке стула и аквариумного водолаза, булькающего на рыбок-новосёлов.

Никто не знает о завтрашнем дне.

Может быть, летним утром, по тропинке заброшенного парка у лодочной станции, Надя будет ехать на велосипеде. Вцепившись в руль, она будет крутить педали и кричать, захлёбываясь от восторга:

— Луч, только не отпускай! Не отпускай!

Ваня будет бежать позади, держась за горячую изнанку велосипедного седла и с разрастающимся, нестерпимым счастьем смотреть, как высокая трава хлещет босые ноги девчонки.

И тот парень в отражении тёмного озера будет всё так же сидеть на краю причала, ведущего в небо.

ОДИН МАЛЬЧИК, ОДНА ДЕВОЧКА

Один мальчик любил во всём порядок. Увидит, бывало, какое безобразие, мимо не пройдёт!

Строгий был мальчик: плюх! бымс! коленкой под зад! И что интересно, понимали мальчика. Всё больше и больше вокруг порядка становилось.

Но однажды подошёл к нашему мальчику другой мальчик. Глянул свысока и без лишних разговоров больно щёлкнул по носу.

Он тоже во всём любил порядок, этот второй мальчик.

Одна девочка пригласила на день рождения всех своих друзей и подружек. Таких набралось девятьсот двадцать восемь человек.

— Чем же мы их угощать станем? — всполошилась мама девочки. — Ведь я заказала пусть огромный, но всего один кремовый торт!

— Ничего, разделим торт по-честному, — успокоила маму девочка. — Одну половинку мне, а вторую — гостям!

У одного мальчика никогда не было друзей. То есть только он с кем-то успеет подружиться, а уже через пять минут — всё, рассорится, разругается, едва не подерётся, — одним словом, враги до конца жизни!

Надоело это мальчику. Вышел он во двор, слепил большого снеговика, на голову снеговику старое ведро нахлобучил, вместо носа морковку приделал.

Кончив дело, назвал мальчик снеговика Фёдором, а затем сунул Фёдору под нос кулак:

— Во, видал! Будешь теперь моим другом, а не то крепкой палкой отдубасю!

Снеговик в ответ помолчал немного и вдруг горько вздохнул:

— Чем так, лучше сразу палкой...

Повернулся и ушёл.

Старое ведро и морковку он потом мальчику по почте выслал. А себе новую морковку купил, в овощном магазине.

Одна девочка просто обожала смотреть всякую ерунду по телевизору, оторваться не могла.

И чем глупее была передача, тем девочке больше нравилось.

А потом у девочки телевизор сломался. От нечего делать она вышла на балкон и стала к обыкновенной жизни присматриваться.

— Яркости бы немного прибавить… И поконтрастнее сделать, — наконец решила она. — Краски какие-то блёклые. А вот сюжет ничего, смотреть можно!

Один мальчик наловчился с места, безо всякого разбега, прыгать в длину на восемь, а то и на девять с четвертью метров.

Понятное дело, мальчика взяли в сборную страны и сразу же повезли на самые главные в мире соревнования.

— Только ты уж, ради бога, разбегись сначала, а затем прыгай! — наставлял мальчика тренер. — Так все делают!

— Да ладно, не стоит! — не соглашался мальчик.

Но тренер настоял на своём.

Мальчик на соревновании разбежался и прыгнул на два метра с половиной.

— Очень много сил на разбег ушло, — оправдывался он потом.

Один мальчик необыкновенно любил за всеми подсматривать и подглядывать. Окружающие знали об этой привычке мальчика и всегда чувствовали себя неуютно.

Однажды мама подарила этому мальчику на день рождения микроскоп. Мальчик сразу же прильнул к прибору и уже оторваться не мог, наблюдая за микробами.

Микробы сначала почувствовали себя очень неловко, оттого что за ними постоянно наблюдают и подсматривают. А потом ничего, привыкли. Мальчику же ничего другого не оставалось, как стать со временем крупным учёным.

Одна девочка в совершенстве выучила за вечер пять иностранных языков. А когда пришла в школу, выяснилось, что задавали только два параграфа по ботанике. Девочка очень расстроилась.

Одна девочка прогуливалась по зоопарку и вдруг увидела цаплю, которая задумчиво стояла на одной ноге.

Девочка тоже поджала одну ногу и замерла в таком положении напротив цапли.

Цапля удивлённо покачала головой и словно бы спросила одним взглядом:

— Ты что же это, дразнишься?

— Нет, совсем нет! — отвечала девочка, чуть покачиваясь, чтобы удержать равновесие.

— Тогда спасибо, — сказали глаза птицы. — Значит, ты меня понимаешь.

Одна девочка отличалась такой необыкновенной пунктуальностью и точностью во всём, что порой это доставляло ей некоторые неудобства.

Так, в собственный день рождения эта девочка сообщила всем:

— Сегодня мне исполнилось двенадцать лет, три часа, сорок две минуты и тринадцать секунд... Ой нет, уже четырнадцать секунд!.. Пятнадцать!.. Шестнадцать!..

Один мальчик страстно любил путешествовать. Особенно на трамвае. Займёт, бывало, место у окна и едет, едет, едет — наблюдения записывает.

Добрался таким образом однажды этот мальчик до Западной Африки. Вышел на конечной остановке из трамвая, огляделся.

— Ха-ха! — вдруг сказали ему. — А трамваи-то сюда не ходят, ошибочка вышла!

Мальчик как раз только к основным достопримечательностям пригляделся.

— А это что там такое? — спрашивает.

— Это бегемот, — ему отвечают. — Плещется в прозрачных водах реки Чиумбе.

— Реки Чиумбе? — уточнил тот мальчик.

— Ну да, это левый приток другой реки, Конго, — объяснили мальчику. — А вот трамваи из вашего города сюда не ходят!

— А отсюда к нам? — поинтересовался мальчик.

— И отсюда к вам трамваи не ходят! — сказали ему. — Даже рельсов нет, видите!

Задумался мальчик, потом махнул рукой и подставил щёку жаркому африканскому солнцу.

— Не ходят трамваи — и не надо! — сказал он. — Стану выбираться отсюда на троллейбусе!

Одна девочка просто обожала апельсины и яблоки, а вот персики не любила. Но поедала их в больших количествах.

На вопрос, зачем же она ест персики, если их не любит, девочка отвечала так:

— А при чём здесь любовь?! Любовь — это совсем другое!

Один мальчик мечтал о собаке, а мама ему на день рождения подарила попугая.

Но мальчик не растерялся. Он быстро выучил своего попугая рычать и гавкать. Попугай всё понял и постепенно весь покрылся густой чёрной шерстью. Любимым занятием попугая стало с лаем гонять по двору соседских кошек.

И вот тогда мальчик стал мечтать о попугае.

Одна девочка в научных целях ровно сорок пять минут наблюдала за перелётами воробьёв.

Когда девочке достоверно удалось установить, что воробьи скачут с ветки на ветку, урок математики как раз и закончился.

Одна девочка мечтала стать капитаном дальнего плавания. Это была прекрасная и светлая мечта.

Бывало, бабушка посылает ту девочку в булочную за хлебом, а девочка ей и отвечает:

— Да что ты бабуля, некогда мне! Я капитаном дальнего плавания как раз мечтаю стать!

Бабушка конечно же сама и за хлебом сходит, и квартиру приберёт. Обед приготовит, а после посуду перемоет. Как-то попросила внучку половики вытрясти, та чуть не разревелась:

— Вечно ты, бабуля, со своими пустяками! Ты мне мечтать мешаешь!

Однажды вернулась девочка из школы домой, а в квартире полное запустение: во всех углах паутина, полы немытые, обед не готов, даже корочки хлеба на кухне нет!

— Ты что же это, бабуся! — напустилась девочка на свою любимую бабушку. — Голодом меня уморить решила, да?!

— Что ты, внученька! — тепло и ласково улыбнулась в ответ бабушка. — Я вот как раз сижу и боцманом на твоём корабле стать мечтаю!..

Одна девочка ходила в драмкружок и тайком страстно мечтала сыграть сложную, необыкновенной глубины роль Бабы-яги.

А ей всё предлагали роли вокруг да около: Золушку, Дюймовочку, Джульетту. Девочка переиграла всех первых красавиц из классической и современной драматургии.

После каждой новой триумфальной постановки девочка только тихо вздыхала:

— Невезучая я... Так, наверное, моя мечта никогда и не исполнится...

Одна девочка встретила на улице прекрасного сказочного принца.

— Бон жур, мадемуазель, — сняв шляпу, поздоровался с девочкой принц.

А затем опустился на одно колено, взял девочку за руку и начал страстно и вдохновенно что-то говорить по-французски. Девочка слушала, слушала — и ни одного слова не поняла.

— Должно быть, улицу какую-то найти не может, иностранец! — наконец решила она. — А я ему не справочное бюро!

И пошла дальше своей дорогой.

Один мальчик верил в сказки. Как-то увидал на столе старый глиняный кувшин.

— Хоттабыч, выходи! — сказал мальчик в кувшин.

Понятное дело, никто из кувшина не вышел.

Тогда мальчик начал трясти кувшин что было сил, стучать по стенкам кувшина и царапать их ногтем.

— У-у-у-у! Выходи, Хоттабыч!

Понятное дело, опять никто не вышел.

Тогда мальчик открыл кран и стал наливать в кувшин холодной воды.

Понятное дело, из кувшина выскочил мокрый Хоттабыч и так встряхнулся, что забрызгал все стены до самого потолка.

Можно верить в любые сказки, но зачем же с хорошими вещами так-то обращаться?!

Одна девочка с пелёнок мечтала стать трёхкратной чемпионкой мира в лыжных гонках на пятьдесят километров. А родители девочки и слышать об этом не хотели. Они отдали её в музыкальную школу. Целыми днями несчастная долбила по клавишам рояля и разучивала сольфеджио.

Со временем из девочки выросла выдающаяся пианистка. Её отправили на международный конкурс в Париж, где она конечно же получила главную премию.

На радостях лауреатка бросилась в ближайший магазин и на все деньги купила себе вязаную шапочку, лыжи, к лыжам палки и тренировочный костюм. Но ничего стоящего из этой девочки в спорте, увы, так и не получилось.

Один мальчик рос таким невежественным, что даже имени своего не знал. Да оно ему, кстати, и ни к чему было. К этому мальчику никто никогда не обращался, неинтересно было: такой уж он невежда!

Одна девочка вышла погулять после дождя. Кругом стояли лужи, и девочка немедленно увидела в луже своё отражение.

— Фи! — сказала девочка. — Это что же такое! Я теперь в моём новеньком нарядном платье, с большим розовым бантом на голове стану отражаться во всех этих глупых дождевых лужах?!

С досады девочка топнула по луже ногой; поднялся фонтан брызг и окатил девочку с ног до головы.

Мокрая девочка встряхнулась, отфыркалась и сказала:

— Ну вот теперь другое дело! Теперь можно и в дождевых лужах отражаться!

Одна девочка собиралась на день рождения к своей лучшей подруге и купила в подарок набор цветных карандашей. Карандаши были так великолепны, что девочка решила оставить их себе.

Она снова пошла в магазин и выбрала на этот раз капроновые ленточки. Таких восхитительных ленточек

не было не только у подружки, но и у самой девочки, и, поколебавшись, в конце концов она решила подарить что-нибудь другое.

Девочка купила маленький симпатичный торт «Ёжик». Кремовый ёжик в картонной коробке показался девочке таким смешным и забавным, что она налила себе чашку чаю и отрезала кусочек.

Назначенный праздничный час приближался, а бедная девочка так и сидела у себя на кухне; запивая чаем, она одна ела торт и горько размышляла: а стоит ли вообще дружить с такой привередливой особой, которой ничем не угодишь?!

Один мальчик уж таким уродился, что ни скажет — оказывается чистейшая правда.

Брякнет, бывало:

— Начинается нашествие динозавров на наш город!..

А уже со всех сторон гады чешуйчатые прут, здоровенные! Мальчик же не унимается:

— Потом ещё землетрясение...

Понятное дело — хря-ась, качается всё кругом, и тут же — тр-ресь! — трещина от окраины до окраины, земля раскололась.

Честнее мальчика, чем этот, сроду не бывало. Плохо другое: уж больно глупым оказался. Такое болтает!..

Одной девочке мама однажды заплела в косичку ленту и завязала белый пышный бант.

Девочке бант так понравился, что она не снимала его тридцать два года и шесть с половиной месяцев.

И правильно сделала!

Потому что к тому времени как раз вошли в моду серенькие пыльные и мятые бантики.

Один мальчик случайно обнаружил, что умеет летать. То есть сначала ему просто захотелось подняться над домами и посмотреть на город сверху. Не успел мальчик обо всём этом подумать, как плавно оторвался от земли и медленно взмыл вверх.

Внизу остались кроны деревьев, фонари... Разворачивалась удивительная панорама большого города.

И вдруг пролетавший мимо воробей пребольно клюнул мальчика прямо в нос.

Мальчик поневоле призадумался, почему другие люди не летают.

Одна девочка долго мечтала о собаке. А мама ей завести собаку не разрешала, сколько девочка ни просила.

— Терпеть не могу собак, — объясняла мама.

— А кошек терпеть можешь? — наконец пошла на уступки девочка.

— Кошек терпеть могу, — подумав, согласилась мама.

В доме появилась кошка. Через полчаса — вторая, затем третья, четвёртая...

— Сама ведь сказала... — глядя маме в глаза, сочувственно разводила руками дочь.

На шестьдесят третьей киске мама сдалась и разрешила девочке завести собаку.

Один мальчик увлёкся фотографией. Для начала он отправился снимать виды города, переулочки, красивые дома, крылечки. А когда проявил плёнку, на всех кадрах было только лицо его одноклассницы Танечки Евсеевой.

Мальчик перезарядил аппарат и побежал снимать птиц: снегирей, синиц, просто воробьёв. Но на карточках вновь выходила Таня Евсеева.

Мальчик не знал, что делать. Со вспышкой и меняя световые фильтры, он сделал три десятка снимков цветов, травинок, листьев на деревьях. А под конец сфотографировал облако в небе. Получились же, как всегда, великолепные портреты одноклассницы Танюши.

Тогда мальчик дождался ночи, подкараулил в кухне самого большого таракана, навёл на таракана объектив... и не смог щёлкнуть затвором фотоаппарата.

Одна девочка обожала смотреть на огонь. Она глаз не могла оторвать от костров, фейерверков и парафиновых свечей.

Да просто от вспыхнувшей вдруг спички.

Поэтому, когда вместе со всеми отметками в очередной раз сгорал до пепла школьный дневник этой девочки, никто особенно не удивлялся.

Одна девочка в школе случайно узнала, что планета Земля имеет форму слегка приплюснутого шара.

Выйдя после уроков на улицу, девочка легко смогла убедиться, что ландшафт в округе совершенно плоский, даже намёков на какие-то выпуклости поверхности нет.

— Значит, мы живём не на планете Земля! — догадалась девочка.

Но никому о своём открытии не сказала, даже маме с папой, чтобы лишний раз их напрасно не огорчать.

Один мальчик сумел на собственном опыте убедиться, что посуда бьётся к счастью.

Когда он нечаянно разбил любимую мамину чашку, то никому об этом не сказал и, к счастью, все подумали на кота.

Одна девочка имела столь ясное представление об идеале женской красоты и совершенства, что на экскурсию в Эрмитаж отправилась с крошечным карманным зеркальцем.

Подолгу останавливаясь перед портретами прекрасных дам всех времён и народов, написанных кистью величайших мастеров, девочка мельком заглядывала в зеркальце и всё больше и больше убеждалась в собственном превосходстве.

Один мальчик придумал в зоопарке дразнить бегемота. Сорок семь минут этот мальчик кривлялся, строил рожи, подпрыгивал перед бегемотом на одной ноге и кричал:

— Утю-тю! Улю-лю! Бр-р-р!..

Когда мальчику наконец сделали замечание, бегемот зевнул и сказал:

— Ничего-ничего! Не мешайте ему! Пусть глупое, но всё же развлечение...

Одна девочка была такой заботливой и внимательной к родителям, что даже сшила себе специальные мягкие тапочки, чтобы ходить по квартире совершенно бесшумно и ненароком не разбудить маму и папу.

Глубокой ночью она проходила на кухню и, не включая света, на ощупь доставала банку с клубничным или вишнёвым вареньем.

Но мама с папой всё равно всякий раз просыпались от громкого девочкиного чавканья.

Один мальчик любил превращаться в кузнечика. Обернётся, бывало, посреди лужка, на берегу реки, вспрыгнет на былинку и стрекочет, стрекочет от радости.

Однажды на берег пришла девочка с удочкой.

— Интересно, какая нужна наживка, чтобы поймать сома? — спросила девочка.

Мальчик, как увидал девочку, сразу в неё влюбился.

— Кузнечик! — застрекотал он. — Кузнечик!

Мальчик сам, добровольно, забрался на девочкин крючок и, вне себя от счастья, понёс нелёгкую вахту.

Но девочка так ничего и не поймала.

Обидным и презрительным щелчком она сбросила кузнечика с крючка и сказала:

— Дурак! Лучше бы ты сомом обернулся!

— Я попробую, — пообещал добрый мальчик.

Он поднатужился. Но, видимо, что-то не то получилось. Мальчик обернулся вдруг свирепым крокодилом.

Одной девочке приснился сказочный принц. Будто сама она стояла на каком-то балконе и тут на вороном жеребце подъехал писаный красавец, весь в кружевах и в шляпе с перьями.

— Сударыня, предлагаю вам руку и сердце, — учтиво произнёс принц. — Не согласитесь ли вы стать моей женой?

Девочка на балконе вся зарделась и ответила:

— Ну!

Конь под принцем заржал, встал на дыбы и вдруг помчал седока, не разбирая дороги.

Девочка проснулась, вся дрожа от досады:

— Да не «ну!» говорят в таких случаях, а «тпру!».